

Николай ГАЦУНАЕВ

ЭКСПРЕСС «НАДЕЖДА»

Повесть

Поэт выпрямился и, не выпуская лопаты из рук, устало запрокинул голову. Свинцово-серое осеннее небо низко нависло над коньками крыш деревни Абда. Смеркалось. Моросил дождь. Черные силуэты эсэсовцев в непромокаемых плащах казались порождением чьего-то бредового воображения. Но они были реальностью, как и шмайссеры, направленные на обреченных, как надсадно хриплое дыхание, как скрежет лопат, когда железо натыкалось на гальку в раскисшей от дождей земле, как отнявший тысячи человеческих жизней переход через Сербию, Банку, Задунайщину. Заключенным не давали есть. Всякого, кто пытался подобрать хоть что-то с земли, расстреливали в упор. В деревне Червенка эсэсовцы прикончили за одну ночь тысячу двести человек. И вот теперь была Абда, сентябрь 1944 года.

— Рыть! — рявкнул ближайший эсэсовец.— Слышишь, ты? Рыть!

Поэт согнулся, налег на лопату.

— Хотите спастись? — негромко прозвучало рядом.

Голос мог принадлежать только кому-то из товарищей по беде, и поэт даже не поднял головы.

— Я говорю вполне серьезно.

Поэт с трудом выбросил из ямы ком глины. Краем глаза взглянул на говорящую фигуру и внезапно вздрогнул. На незнакомце был серый с иголочки костюм, шляпа с широкими полями. Выражения лица в сумерках было не разобрать.

— Что вам угодно? — хрипло выдохнул поэт.

— Спасти вас. Решайтесь.

— Не болтать! — заорал эсэсовец.

— Решайтесь,— повторил незнакомец.— Хотите выжить?

— Разумеется...— устало кивнул поэт.

— Эй, ты!..— взревел эсэсовец и вдруг осекся. Прошло несколько секунд, прежде чем он снова обрел дар речи.— Куда он девался, черт его поberi?!

На том месте, где только что стоял поэт, одиноко торчала воткнутая в землю лопата.

— Санта Катарина! — команданте возвел очи горе, выдержал паузу и возвратился с небес на землю.— Что вас не устраивает? Покой, комфорт, изысканная кухня, развлечения. Чего вам еще, камараде?

Комманданте был великолепен: элегантный спортивного типа блондин в небесно-голубом мундире с золотыми шевронами. Вкрадчивый голос. Выбритое до матового свечения лицо выражало постоянную готовность творить добро. Творить истово, самозабвенно, со знанием дела. Вот и сейчас: посетитель сидит в кресле, а он, команданте, стоит перед ним, как бы воплощая в себе почтительность и уважение. И пахнет от команданте как положено — лосьоном для бритья и в меру терпким мужским дезодорантом.

Лишь глаза, пожалуй, портили общее впечатление: серо-стальные, пронзительные, с оттенком снисходительности и собственного превосходства.

Кабинет у команданте был под стать хозяину: просторная двухсветная комната с овальными окнами-иллюминаторами, серебристым ковром на полу и удобной пастельных расцветок мебелью.

Все было явно рассчитано на то, чтобы успокоить посетителя, настроить на благодушно-оптимистический лад, но, как ни странно, вызывало у Ивана обратную реакцию: возбуждало глухой протест и неодолимое желание ерничать.

— Чё еще, да? — Не сводя глаз с лица команданте, Иван скользнул ладонями по подлокотникам кресла. Встал.— А самую малость. Узнать, куда попал и для ча.

— Зачем? — Комманданте задумчиво пожевал губами.— Очевидно, чтобы остаться в живых. Разве не так?

— Так-то оно так,— кивнул Иван,— а только вам это на што?

— Мне? — светлые брови на лице команданте недоуменно поползли.

— Непонятно? — посочувствовал Иван.

Брови вернулись в прежнее положение.

— Вы находитесь в экспрессе «Надежда».— Комманданте вздохнул.— Остальное, увы, не в моей компетенции.

— А в чьей?

— Камараде! — Комманданте выставил перед собой холеные розовые ладони, словно отгораживаясь от дальнейших вопросов.— Я уже сказал, это не в моей компетенции. Вам предоставлена полная

свобода. Смотрите, сопоставляйте. Делайте выводы. Вообще делайте что вам заблагорассудится.

— А ежели я экспресс взорвать залочу?

Комманданте вежливо улыбнулся и покачал головой.

— Вы не захотите взорвать экспресс.

— Уверены? — Ивану надоело валять дурака.

— Абсолютно.— Комманданте продолжал улыбаться.— Только глупец из детской сказочки рубит сук, на котором сидит.

— Ну, а если окажется, что я тот самый глупец? Решил удрать с экспресса. Взять и сойти.

— Сюда? — Комманданте качнул головой в сторону иллюминатора. За стеклом высились мрачные, увенчанные снеговыми шапками скалы и в черном небе морозно поблескивали звезды.— Или сюда? — указующий перст комманданте ткнулся в противоположное окно. Там ослепительно сверкала под тропическим солнцем морская гладь и лениво покачивались на берегу кокосовые пальмы.

— Туда! — в сердцах буркнул Иван и указал под ноги. Внизу размеренно погромыхивало.

— Не советую,— сочувственно покивал комманданте.— Оттуда не возвращаются. Даже с нашей помощью.

Несколько секунд они напряженно глядели друг другу в глаза. «Дуэль взглядов»,— мысленно усмехнулся Иван и отвернулся к окну. Моря за окном уже не было. Строго говоря, там вообще ничего не было: серый клубящийся туман и ничего больше. Лицо комманданте опять расплылось в улыбке.

— Посмотрел бы я, как вы на моем месте заулыбались.

— О, это исключено.

— Жаль.

— Почему? — удивился комманданте.

— Потому что я бы ответил на все ваши вопросы.

— Как знать.— Что-то новое проклюнулось в голосе комманданте. Неуверенность? — И потом, это будут мои вопросы, а не ваши.

— Вопросы останутся те же.

— Вы думаете?

— Уверен.

— Любопытно.

Комманданте заложил руки за спину, прошелся, неслышно, по-кошачьи ступая по ковру. Остановился возле окна. Не оборачиваясь,

проговорил:

— Выбросьте из головы, геноссе. Мой вам добрый совет. Живите в свое удовольствие.

— Смахивает на приказ.— Иван усмехнулся.

— Чему вы радуетесь? — все так же не оборачиваясь, спросил команданте. На мгновение Иван смешался, но тут же сообразил, что команданте видит его отражение в стекле иллюминатора.

— Приятно, когда приказывают жить в свое удовольствие.

— Это не приказ.— Комманданте обернулся, и на лице его опять играла улыбка.— Всего лишь благие пожелания. Не смею вас больше задерживать.

Голова разламывалась от боли. Иван пересек коридор и, шагая через две ступеньки, грузно затопал вверх по винтовой лестнице. «Ну, держись, поп! — подумал он с веселой яростью.— Уж сегодня-то я тебе все сполна выдам!»

Здесь, в зимнем саду, был совсем иной мир — солнечный, полный щебета птиц и журчания воды, пряных ароматов трав и цветов, царство покоя и умиротворения. Вдоль посыпанных золотистым песком дорожек в продуманном беспорядке были разбросаны шезлонги и плетеные кресла-качалки. Над бирюзовой гладью бассейна на бреющем полете проносились ласточки.

Не сбавляя шага, Иван прошел мимо бассейна, покосился на позабытые кем-то возле раздевалки оранжевые сланцы в капельках непросохшей воды и впервые подумал, что никого тут не встречает, в какое бы время суток ни приходил. Исключение составляет отец Мефодий, именно с ним-то и жаждал сейчас встретиться Иван. До сих пор попытки святейшего втянуть его в душеспасительные беседы терпели фиаско. Иван начисто игнорировал отца Мефодия. Изобретательности попу было не занимать, и, вступая с ним в мысленную полемику, Иван всякий раз оказывался в тупике. «Евангелие от Мефодия» не только не противоречило окружающей действительности, но и великолепно с нею уживалось. Будь то привычная действительность Страны Советов первой половины XX века, Иван без труда уложил бы попа на лопатки. Здесь же все обстояло сложнее.

Экспресс «Надежда» был порождением науки и техники высочайшего порядка. Отец Мефодий, судя по всему, прекрасно в этом разбирался и, пользуясь своим преимуществом, ловко сводил все к

божественному началу. Послушать попа, экспресс представлял собой не что иное, как вариант Ноева ковчега, созданного по воле и чуть ли не под эгидой самого господа бога. Для чего — отец Мефодий не уточнял, и, хотя это было самое слабое звено в его сольных разглагольствованиах, Иван до поры предпочитал отмалчиваться, делая вид, что пропускает поповскую болтовню мимо ушей и экспресс «Надежда» его нисколько не интересует.

На самом же деле проклятый экспресс не давал ему покоя ни днем, ни ночью. Привыкший к ясности во всем, Иван и здесь пытался найти ответы на мучившие его вопросы: как он сюда попал, зачем и что представляет собой эта «Надежда».

С обзорной площадки под куполом зимнего сада исполинская механическая река просматривалась до самого горизонта — нелепое скопище всевозможных транспортных средств, созданных человеком, чтобы передвигаться по суше, воде и воздуху. Доисторические повозки и боевые колесницы, галеры и осадные башни, почтовые дилижансы и дредноуты, многоярусные автобусы и бипланы, пульмановские вагоны и парусные яхты, трамваи, танки и шагающие экскаваторы, тачанки и фуникулеры, дрезины, гоночные автомобили и уже совсем непонятные ромбовидные, кубические, эллипсообразные конструкции, сверкающие гранями призмы и серебристые сигары-исполины, напоминающие одновременно и дирижабли, и подводные лодки,— все это с лязгом, гулом и грохотом двигалось на колесах, полозьях, траках, воздушных подушках и еще неизвестно на чем, куда и зачем.

Сравнение с рекой приходило на ум не случайно: та же величественная размеренность, водовороты, стремнины, плесы и тихие заводи. То и дело взлетали и опускались аэропланы, вертолеты, аэростаты. И все вокруг было затянуто сизой дымкой отработанных газов, гари и копоти, и берега тонули в мутной пелене и, казалось, поток движется в гигантском туннеле, сам себе пробивая дорогу в податливой, но непроницаемой для глаз толще.

Грандиозное это зрелище подавляло своими масштабами, невольно наталкивало на мысли о чем-то неземном, космическом — но, увы, ничего не проясняло.

...Иван обошел весь сад, заглянул в гроты, беседки, кабины раздевалок: отца Мефодия нигде не было. Оставалась обзорная площадка, и Иван, стараясь ступать как можно тише, направился туда, предвкушая удовольствие застигнуть попа врасплох...

Площадка была пуста. Иван подошел вплотную к прозрачной загибающейся кверху стене купола и, облокотившись о металлической поручень, принялся безучастно наблюдать за копошившимися далеко внизу механизмами. Бригада тракторов тянула установленную на платформе буровую вышку, ярко-оранжевый бульдозер тщетно пытался догнать скользящую перед ним изящную субмарину, а чуть левее на заляпанной грязными разводами льдине эскимосы привязывали к нартам тушу какого-то зверя.

— Обозреваете, сын мой?

Ивану полагалось вздрогнуть от неожиданности, но он только покосился, не поворачивая головы: так и есть, отец Мефодий собственной персоной. Ну что бы ему минут на пять раньше объявиться!

— А настроеннице-то не из отменных,— констатировал поп, нарочито нажимая на «о», хотя накануне щеголял московским акающим говорком. «Резвится святейший»,— равнодушно отметил Иван. Лыдина уже скрывалась из виду, и на ее месте неуклюже маневрировал огромный танк-амфибия с пестрым флажком на капле-видной башне.

— Мировая скорбь обуяла? — не унимался поп. Иван обернулся неприязненно. Издевки на лице попа не было. Лицо как лицо. Благообразное даже, как и подобает сану. Густые с проседью волосы до плеч, аккуратно подстриженные усы и борода. Карие чуть навывкате глаза, нос с горбинкой, четко очерченные губы.

— Кончайте дурачиться, святейший! Скажите лучше, наконец, кто и зачем меня тут держит?

Поп даже перестал окать.

— А никто,— он ухмыльнулся.— Никто, кроме всевышнего, хотя вы в него и не верите.

— Не верю,— подтвердил Иван.— Тут, батюшка, свержцивизацией папахивает. Не по зубам Саваофу.

— Не вам судить о творце.

— Вам?

— И не мне.

Священник достал откуда-то из-под рясы носовой платок, трубно высморкался.

— Ну так кто все же?

— Отвечаю вторично,— поп окончательно пришел в себя, снова

заокал.— Никто не держит, кроме господа бога.

— Значит, взбредет мне на ум смыться с этой колымаги — и никто пальцем не шевельнет?

— Куда? — поп вопрошающе развел руками.— Зачем? От добра добра искать?

«Кого-то он напоминает,— подумал Иван.— Не внешностью, не манерой говорить. Чем-то другим...»

— Ага,— Иван покивал головой.— Бежать, стало быть, некуда. И незачем. Так?

— Около того,— пробасил поп.— Вы, надо полагать, не согласны?

— Я-то? — Иван по самые локти вогнал руки в карманы комбинезона. Поп выжидающе молчал.— Я, батюшка, добра для себя не ищу.

— О ближних, стало быть, радеете? — иронически прищурился священник.

— Радеть — это по вашей части.— Догадка стремительно перерастала в уверенность.— Отец Мефодий!

— Слушаю, сыне.

— Хотели бы вы со мной местами поменяться?

— Упаси господи! — всплеснул руками священник.— У каждого своя стезя, свой крест.

— Во! — просиял Иван.— Шагайте, батюшка, своей стезей. А я — своей. С крестом или без — это уже мое дело. Ну что вы на меня возрились? Царю цареву, кесарю кесареву. Ужинать идете?

— Благодарствую,— досадливо поморщился поп.— Сыт.

— Поститесь небось. А я, пожалуй, пойду. Appetit разыгрался.

— И чего вы добились? — Миклош отхлебнул из фужера.

— Пиво? — поинтересовался Иван.

— Клюквенный сок.— Венгр покачал лобастой наголо обритой головой.— Какой вы еще мальчишка, Иштван!

Столовой этот зал можно было назвать лишь условно. Скорее роскошный ресторан: теряющийся в полутьме сводчатый потолок с гирляндами хрустальных люстр, увитые плющом простенки между зеркальными окнами, подсвеченный снизу фонтан посреди зала, переливающийся всеми цветами радуги в унисон с неназойливой музыкой, крахмальные скатерти, серебро, хрусталь и фарфор, мягкие удобные кресла.

Иван дотронулся пальцем до продетой в колечко салфетки и

дурашливо вздрогнул.

— Der Knabe¹,— повторил Миклош. Ласковые и грустные интонации непонятным образом сочетались с мужественным тембром его голоса.— Das Kind².

— Vielleicht³,— Иван поискал глазами пепельницу. Венгр перехватил его взгляд, снова покачал головой.

— Курить потом. Сначала поешьте.

— Ich will nicht⁴,— Иван победоносно взглянул на собеседника.— Правильно?

— Грамматически — да,— кивнул Миклош.—Но не по существу. Иначе зачем было сюда идти?

— Повидаться с вами, Миклош. To chatter⁵.

Неподалеку от них восточного типа толстяк недоверчиво разглядывал стоящее перед ним жаркое. Услышав последнюю фразу, резко обернулся.

— Do you speak English?⁶

— A little bit⁷.

— What is that?⁸

— Meat⁹.

— I know,— кивнул толстяк,— What kind of it?¹⁰

— A rat¹¹,— брякнул Иван, не подумав. Толстяка чуть не стошнило.

— A rabbit,— поспешно поправился Иван.— I am sorry¹².

Толстяк с опаской покосился на блюдо.

— Are you sure?¹³

— Certainly,— заверил Иван.— Don't doubt¹⁴.

— Н-да.— Венгр приложился к фужеру, промокнул губы салфеткой.— Великое дело быть полиглотом.

¹ Мальчик (нем.).

² Ребенок (нем.).

³ Возможно (нем.).

⁴ Я не хочу (нем.).

⁵ Поболтать (англ.).

⁶ Вы говорите по-английски? (англ.).

⁷ Самую малость (англ.).

⁸ Что это? (англ.).

⁹ Мясо (англ.).

¹⁰ Понятно. Но какое именно? (англ.).

¹¹ Крыса (англ.).

¹² Кролик. Извините (англ.).

¹³ Вы уверены? (англ.).

¹⁴ Конечно, Не сомневайтесь (англ.).

Лицо оставалось невозмутимым.

— Неслыханно! — взвизгнула за соседним столом крашенная блондинка в вечернем бархатном платье.— Опять артишоки! Сколько раз повторять, я их не переносу! Спаржу, слышите?! Спаржу! Я требую!..

Официант в белоснежном костюме невозмутимо кивнул и отправился заменять артишоки спаржей. Визави дамы — невзрачный субъект с постным выражением лица нехотя ковырял вилкой котлету. Глаза у него были оловянные, как у снулой рыбы. Встретившись взглядом с Иваном, субъект хмуро кивнул.

— Вы знакомы? — удивился Миклош.

— Где-то видел. А что?

— Ничего. Ешьте артишоки, юноша. Полезно для мозговых клеток.

— А спаржа?

— И спаржа.

Они взглянули друг на друга, рассмеялись.

— Посмотрите,— негромко проговорил Миклош.— Что это с ним?

Зажмурив глаза, субъект откинулся на спинку кресла и запрокинул голову.

— По-моему, он вот-вот расхохочется,— предположил Иван.

Субъект откидывался все больше и больше, и теперь уже вместе с креслом. Казалось, он вот-вот грохнется на спину. Возмущение на лице дамы уступило место острому любопытству. Она даже подалась вперед, наблюдая за своим визави. Субъект оглушительно чихнул и одновременно вернулся в исходное положение, обдав даму фонтаном брызг. Та взвилась, закатила истерику и ринулась прочь из ресторана.

— Вот это спаржа! — восхитился Иван, провожая даму глазами.— Вы правы, Миклош. С завтрашнего дня перехожу на подножный корм.

— Подножный значит из-под ножа? — деловито уточнил венгр.

— Из-под ног.

— Непостижимый язык,— вздохнул Миклош.— Но вернемся к нашему разговору. Итак, чего вы добились?

— Миклош,— Иван согнал с лица улыбку,— я и не надеялся, что команданте станет со мной откровенничать.

— Вот как? — искренне удивился венгр.

— Конечно. Хотел посмотреть, как он увильнет от ответа.

— И что увидели?

— Кое-что увидел. Недостаточно, правда, но...

— И поэтому сцепились с отцом Мефодием?

— Отчасти. А вообще, просто отвел душу.

— Отвел куда? — изумился венгр.

— Никуда! — Иван начинал терять терпение.— Это идиома.

— В смысле...

— Высказал все, что хотел.

— Понятно.— Миклош провел ладонью по голове.— «Знай наших», да?

— Примерно.

— Феноменальный язык. Казалось бы, что общего?

— Миклош,— не выдержал Иван.— Неужели у вас тут,— он ткнул себя в левую сторону груди,— всегда спокойно?

— Нет. А почему вы спросили?

— Простите, Миклош. Сам не пойму, что на меня нашло.

— Пустяки,— улыбнулся венгр. Улыбка у него была чудесная: грусть, обида и радость одновременно.— Забыто. Хотите клюквенного сока?

— Хочу.

Иван терпеть не мог клюкву, но предложи ему сейчас Миклош синильную кислоту, он бы и от нее не отказался.

Венгр потянулся к графину. Рука была тонкая, изящная, и тем инороднее выглядели на ней струпья мозолей и следы заживающих ссадин.

— Как вас сюда занесло, Миклош?

Рука чуть заметно дрогнула.

— Я не хочу об этом вспоминать, Иштван. Даже думать не хочу.

— Ваше право.— Голос Ивана дрогнул.— Извините за бестактность.

Венгр наполнил фужер, поставил графин на место. Протянул Ивану руки ладонями вверх.

— Взгляните.

Ладони напоминали свежевспаханное поле: беспорядочные бугры мозолей, рытвины трещин, бороздки розовой подживающей кожицы.

— Каменоломни? — Иван и сам не знал, почему на ум пришло именно это слово.

— Каменоломни тоже,— кивнул Миклош.— Еще немного и...— Венгр усмехнулся.— Как у вас говорят, сыграл бы в ящик. Впрочем, гробов там не полагалось. Заставляли рыть яму и прямо в ней расстреливали. А те, до кого не дошла очередь, заваливали яму землей. Так что не спешите меня осуждать, Иштван.

— Осуждать? — Ивану дико захотелось закурить, но он сдержался.— С чего вы взяли?

— Значит, показалось,— Венгр с отвращением взглянул на свои ладони и опять усмехнулся.— Парю каждый вечер, тру пемзой. Не помогает.

— Поможет.— Иван отхлебнул из фужера.— Нужно время.

— Наверное, вы правы,— кивнул Миклош.— А как быть с памятью?

«Никак,— с болью подумал Иван.— Никакая пемза не поможет. Знаю по себе».

С Миклошем Иван встретился в день своего появления в экспрессе «Надежда». Тогда сосед по столу поразил его неестественной худобой, изможденным лицом и никак не сочетающимся с его обликом выражением глаз — печальных и ласковых. Настороженность первых дней постепенно прошла. И тут Ивану впервые пригодились те haben, hatte, gehabt — азы немецкого языка, которыми он с грехом пополам овладел в летном училище, в школе он учил английский. Путая немецкие и английские фразы, попытался заговорить с Миклошем и, к великому удивлению, обнаружил, что старания его не безуспешны.

Миклош, в свою очередь, проявил интерес к русскому языку и довольно быстро в нем преуспел. Их ежедневные «застольные беседы» стали приобретать все более осмысленный характер.

Однажды в разговоре Иван упомянул имя своего школьного товарища Мадьяра Курбатова.

— Мадьяр? — встрепенулся Миклош.— Он что, венгр?

— С чего вы взяли? Хорезмский узбек.

— Любопытно...— Миклош задумался.— Понимаете, Иштван, еще в XIII веке доминиканский монах Юлиан утверждал, что предки венгров пришли с Востока.

— Ну, положим, для Европы Восток — понятие растяжимое,— возразил Иван.— Это вся Россия, Кавказ, Средняя Азия, Сибирь, Алтай, Дальний Восток.

— А имя Мадьяр? Думаете, случайность?

— Просто созвучие.

— Не может этого быть! — горячо запротестовал венгр.

— Может, Миклош. Полностью того парня звали Мухаммадьяр. А Мадьяр — сокращенно.

В «застольных беседах» они касались разных тем, но, словно сговорившись, никогда не затрагивали одну — как они попали в

экспресс. Сегодня Иван впервые нарушил это негласное соглашение. И теперь жалел об этом.

Еретик смотрел в небо.

Запрокинуть голову мешал столб, к которому он был привязан, и потому в поле зрения находились дома со сверкающими на солнце стеклами окон, море людских лиц на площади, стражники в начищенных до золотого блеска кирасах. Но больше всего было небо. Голубое, без единого облачка, ласковое, мирное, оно, казалось, олицетворяло собой вечность.

Вечность... Еретик усмехнулся. Вознесенный высоко над толпой, он, пожалуй, еще ни разу в жизни не был так близок к ней, как в эти минуты. Внизу, у подножия эшафота, растерянно суетились факельщики в черных рясах: отсыревший за ночь хворост шипел, отчаянно дымил, но не разгорался. Толпа начала проявлять признаки недовольства: обыватель ожидал эффектного зрелища, а тут церемония явно затягивалась, и еретик на кострище вовсе не был похож на исчадие ада, каким во всеуслышание объявила его инквизиция.

Наконец подвезли сухой хворост, и костер запылал, с каждой минутой набирая силу. Сквозь языки пламени и клубы черного дыма еретик по-прежнему упрямо смотрел в небо.

— Хотите спастись? — неожиданно прозвучал рядом чей-то спокойный голос. Разумеется, это начинался бред, и еретик, все так же глядя в небо, мысленно произнес: «Конечно, хочу, но...»

Мысль оборвалась на полуслове.

— Исчез! — крикнул кто-то. — Смотрите, его нет!

Толпа взволнованно зашумела, но костер уже полыхал вовсю, и в огненном смерче уже было не разглядеть ни столба, ни привязанного к нему еретика.

— Смотрите, кто к вам пожаловал, — прервал размышления собеседника Миклош. Иван оглянулся и тихонько присвистнул. От дверей по проходу между столами неторопливо шагал доминиканский монах.

— Почему ко мне? Скорее к вам, Миклош.

— Я думаю, к вам.

— Почему?

— В отместку за отца Мефодия.

— Спорим, ошибаетесь?

Спорить было некогда. Монах подошел к их столу и остановился. Монах как монах. Мантия до пят. Седые коротко остриженные волосы. Бледное, сужающееся книзу лицо. Бородка, усы.

— Was habe ich gesagt?¹⁵ — возликовал Миклош.

— Синьоры говорят по-немецки? — обрадовался монах.— Добрый день.

— Добрый день — закивал Иван.— Guten Tag. Good day¹⁶.

Монах недоуменно пожал плечами и перевел взгляд на Миклоша.

— Синьоры не станут возражать, если я разделю с ними трапезу?

— Синьоры возликуют! — засуетился Иван. Вскочил, пододвинул монаху кресло.— Милости просим, ваше святейшество. Премного нас обяжете.

Фраза была выдана по-русски, монах наверняка не понял ни слова, но жест был достаточно красноречив, и монах, улыбнувшись, принял приглашение.

Иван покосился на венгра. Тот хранил благопристойное выражение лица, но глаза так и искрились весельем.

— Синьор итальянец? — галантно осведомился Иван на немецком.

— Да,— кивнул монах.

— И синьора, разумеется, зовут отец Юлиан?

— Не угадали,— улыбнулся монах.— Меня зовут Джордано.

— Джор... А, ну да, конечно! — спохватился Иван.— Джордано Бруно. И как я сразу не догадался?

— Откуда вам это известно? — изумился монах.

— От верблюда.— Иван опять перешел на русский.

— Не удивляйтесь, синьор Джордано,— поспешил вступить в разговор Миклош и под столом толкнул Ивана коленом.— Мы тут все друг о друге знаем. Скоро вы в этом убедитесь.

Монах все еще не мог оправиться от изумления.

— Что будете есть? — продолжал венгр.— Спагетти?

— Да,— машинально согласился монах.

— И глоток-другой кьянти?

— Синьор угадывает мысли? — Монах начал понемногу приходить в себя.

— Синьор и не то еще умеет! — заверил Иван порусски и в свою

¹⁵ Что я говорил? (нем)

¹⁶ Добрый день (нем.), (англ.).

очередь двинул Миклоша коленом.

Несколько секунд монах недоверчиво переводил взгляд с одного на другого, потом улыбнулся и выпростал из-под мантии руку. Нервные пальцы перебирали янтарные виноградины четок.

— Я понимаю, синьоры шутят. И все-таки, как вы узнали, кто я?

— От господ бога! — буркнул Иван и тотчас пожалел об этом.

— Иштван пошутил, — попытался разрядить атмосферу Миклош. — Не надо на него обижаться.

— Я понимаю, — глухо повторил монах. — Вероятно, он даже хотел сделать мне приятное... — Он помолчал, глядя на струящиеся между пальцами четки. Медленно поднял голову, встретился глазами с Иваном. — Мантия и убеждения — не всегда одно и то же, молодой человек.

«А ну, как он в самом деле великий Ноланец? — подумал Иван. Мысль была настолько абсурдной, что он тут же от нее отмахнулся. — Не может быть!» Но мысль не уходила, нахлынуло ощущение неловкости и вины. Иван зажмурился и стиснул зубы.

Комманданте... Поп Мефодий... Теперь еще Ноланец... Что он о них знает? А экспресс «Надежда»? Сплошные загадки и предположения одно невероятнее другого. Вначале он решил, что попал в плен. Сбили с толку латинские буквы на дверных табличках. И, как ни странно, безукоризненно правильный русский язык, на котором изъяснялся комманданте. Так говорят только иностранцы. Опять же его преподобие Мефодий. Где же ему еще быть, святейшему, как не в бегах, у фашистов?

Потом всмотрелся и понял, что заблуждается. Публика в ресторане подобралась разношерстная, но все — на равных. В плену так не бывает. Плен это плен: допросы, тюрьмы, концлагеря. Борцы и предатели. В плену от тебя всегда чего-то требуют. А здесь — ничего. Полная свобода. Ешь, пей, делай, что в голову взбредет. Вот только где ты и зачем — не спрашивай. Тебе не докучают — и ты не приставай с расспросами.

Просто? Даже слишком. Иные — и таких, судя по ресторану, немало — вошли во вкус, жили в свое удовольствие и сомнениями не терзались.

А он так не мог. Вновь и вновь мысленно возвращался в кабину побитого «ила», сквозь грохот и рев пламени хрипел в эфир: «Иду на таран!» — и брэсал собой искалеченный самолет в лобовую на

«мессершмитт-262», заходивший в хвост курбатовскому штурмовику.

Тогда было все ясно: надо выручать Мадьяра Курбатова, и не остается ничего другого, как таранить этот проклятый «мессер».

И вот тут-то и началась чертовщина. Прямо перед Иваном из ничего, непонятно как, в пилотской кабине возник человек и спокойным, но требовательным голосом спросил:

— Выжить хочешь?

Разумеется, то была галлюцинация, на нее не следовало обращать внимания, но фантом закрывал обзор и, чтобы от него избавиться, Иван яростно выругался и мотнул головой, отгоняя наваждение.

— Хочешь? — фантом и не думал исчезать.

— Пошел к дьяволу! — заорал Иван.— Убирайся!

И, видя, что тот не двигается с места, выхватил из кармана портсигар и швырнул в бесстрастную рожу призрака.

Наверное, именно в это мгновение «ил» и врезался в «мессер». Ослепительная вспышка полыхнула перед глазами, и все померкло...

Очнулся он в прохладной, золотистой от солнечного света комнате. Пахнущее свежестью постельное белье приятно холодило разгоряченное тело. Некоторое время он продолжал лежать, восстанавливая в памяти все, что с ним произошло. Потом осторожно высвободил из-под простыни руки и поднес к лицу. Руки были целые, без единой царапинки. Медленно согнул ноги в коленях — слушаются. Напряг мышцы живота — слегка побаливают.

«Жив...— мысль раскручивалась медленно, словно ржавая пружина.— Жив... Цел». И вдруг словно жаром полыхнуло из раскаленной печи: «А таран?! Значит, промахнулся?! Значит...»

— М-м-а-д-ддья-ар-р-р! — хрип рвался сквозь стиснутые зубы, свистел, рычал, шипел.— М-и-и-ш-ка-а-а!

Он отчетливо увидел, как реактивный «мессершмитт» настигает курбатовский «ил», как вгрызаются в фюзеляж дымящиеся трассы, и, не разжимая зубов, завыл тоскливо, по-звериному, чувствуя, как обжигают щеки слезы отчаяния и бессильной ярости.

Несколько дней он не притрагивался к еде. Лежал лицом к стене, ни на что не реагируя, ничего не слыша. И вспоминал, вспоминал, вспоминал...

Турткуль. Белые домики над бурливой ширью Амударьи. Колесные буксиры с караванами барж. Резкие крики чаек. И небо. Бездонное. Голубое. Влекущее. Летом они с Мишкой целыми днями пропадали на

реке. Ставили подпуски на сомов, удили на затонах золотистых сазанов, гоняли на плоскодонке вверх до Шарлаука и вниз к Чалышу, Кипчаку, Каратау.

Было в Курбатове что-то притягательное, завораживающее, внушающее восхищение и потребность подражать. Неистощимый на выдумки, всегда чем-то увлеченный, к чему-то стремящийся, он был насыщен такой неиссякаемой энергией, что невольно заряжал ею других.

Бородатые казаки-старообрядцы, глядя на него, одобрительно качали головами: «Непоседа малый. Живчик». Грудастые речники в тельняшках и широченных суконных клешах свойски хлопали Мишку по спине: «Ртуть-парень!»

И только Иван знал Мадьяра другим: притихшим, задумчиво молчаливым. Бывало такое нечасто, но уж если случалось, вывести Мишку из этого состояния было непросто. Он мог часами лежать где-нибудь на травянистом пригорке, зачарованно глядя в небо, словно видел там что-то такое, чего никому, кроме него, увидеть не дано. Расспрашивать его в такие минуты было бесполезно, Иван знал это и ни о чем не спрашивал. Лишь однажды в городском парке, где они вдвоем готовились к выпускным экзаменам, он захлопнул учебник, обнаружив, что Мишка его не слушает, и возмущенно уставился на товарища. Тот сидел, прислонившись спиной к стволу старой акации и сквозь ажурную, перемежающую белыми кустами цветов зелень смотрел вверх, в безоблачной весеннее небо.

— Что ты там узрел? — с обидой спросил Иван.

С минуту Мишка молчал. Потом, все так же не меняя позы, вдруг начал читать стихи:

...И маленький тревожный человек
С блестящим взглядом, ярким и холодным,
Идет в огонь. Умерший в рабский век
Бессмертием венчается — в свободном!

Я умираю — ибо так хочу.
Развей, палач, развей мой прах, презренный!
Привет Вселенной, Солнцу! Палачу!
Он мысль мою развеет по Вселенной.

— Твой? — недоверчиво спросил Иван. Курбатов покачал головой.

— Бунин. Здорово, правда? Маленький тревожный человек...—
Мадьяр промолчал, мечтательно зажмурив глаза.— А на всю Вселенную
замахнулся.

— Это ты о ком? — Иван отложил книгу.

— О Джордано Бруно.

— И стихи о нем?

— О нем.— Мишка подобрал учебник тригонометрии, машинально
перевернул несколько страниц.— Я, Ваня, летчиком хочу стать.

— Скажешь! — фыркнул Иван.— Это тебе не буксир по Амударье
водить.

Аэропланы были уже не в новинку. По ту сторону реки, в Ургенче,
построили аэродром, и серебристые птицы частенько пролетали над
Турткулем. Но одно дело восхищаться ими, задрав голову, и совсем
другое...

— А я стану! — Мишка упрямо встряхнул чубом.— Вот увидишь! А
может, вдвоем, а? Разузнаем, что и как, и сразу после экзаменов
двинем? Тебе хорошо — в детдоме живешь, ни у кого отпрашиваться не
надо.

Так родилась мечта. Сумасшедшая, неосуществимая, и потому
особенно прекрасная и заманчивая. А рядом, в нескольких десятках
метров от ограды парка, бурлила, вгрызаясь в глинистый берег,
Амударья и гулко рушились в воду подмытые ею пласты грунта.

Глаза у учлета Курбатова были синие-синие, а чуб — цвета спелой
пшеницы. Нос, правда, подгулял: маленький, с легкомысленно
вздернутым кончиком, словно чужой на удлинённом, с резкими
чертами лице. Особенно это бросалось в глаза, когда Курбатов смеялся.
А смеялся он последнее время редко. Даже теперь, танцуя с любимой
девушкой модное танго «Голубая рапсодия», Курбатов оставался
серьезным, хотя причин для радостного настроения было
предостаточно: позади годы учебы, еще немного — и прощай, училище,
здравствуй, новая жизнь, служба, романтика дальних полетов!

Иван, тот от уха до уха сиял, а Курбатов — ни-ни. Молчалив, собран,
сосредоточен.

А ночь — какие только в сказках бывают: серебряная от лунного
света, ласковая, трепетная. И когда умолкает духовой оркестр, слышно,
как за Волгой петухи перекликаются да где-то неподалеку девичьи
голоса «Катюшу» выводят.

Катюша... Через несколько дней у них с Мишкой свадьба. Своей семьей жить начнут. И будет у этой семьи верный и неизменный друг — Ваня Зарудный. Вечный холостяк, потому что для него, как и для Миши Курбатова, свет клином на Кате-Катюше сошелся. А она полюбила Мишку.

Потом была свадьба. С шампанским. С танцами под патефон. С дружескими напутствиями, веселыми, но немного грустными. Потому как предстояли молодым военным летчикам дальние пути-дороги в летные части. И когда начальник училища — рано поседевший крепыш с четырьмя шпалами в петлицах — поднял прощальный тост, в голосе его звучала гордость за своих питомцев и печаль расставания.

Друзьям повезло: обоих направили в один полк. Но и месяца не прошло — грянула война, и они даже не смогли проводить Катю на вокзал к поезду, которым предстояло ей добраться до Чарджуя, а оттуда, уже пароходом, в Турткуль, к родителям Мадьяра.

В ноябре, возвращаясь с задания, угодил Иван под огонь немецкой зенитной батареи и на подбитой машине чудом дотянул до аэродрома. Посадить посадил, а из кабины выбраться уже не смог: закружилось, поплыло все перед глазами, и белым саваном опустилось на плексигласовый фонарь кабины холодное зимнее небо.

Одиннадцать осколков извлекли из Ивана хирурги. Год с лишним провалялся в госпиталях, прошел дюжину комиссий, добиваясь разрешения снова вернуться на фронт и, наконец, солнечным осенним утром вылез из попутного «доджа» и зашагал, разминая затекшие ноги, по хрусткой от ночного мороза -траве к домику у дальней кромки леса, где находился штаб эскадрильи.

После яркого солнца в комнате с обращенными к лесу окнами было темновато. Офицер стоял к свету спиной, так что лицо оставалось в тени, зато отчетливо смотрелись погоны на широких, словно рубленых плечах.

— Товарищ капитан!—Иван вскинул ладонь к козырьку фуражки.— Пилот Зарудный...

— Ванька!— выдохнул капитан, бросаясь навстречу.— Жив, бродяга! Вернулся!..

С тех пор они ходили в паре: Мадьяр — ведущим, Иван — ведомым.

— Я думаю, вам следует извиниться, Иштван.— Миклош говорил по-русски почти правильно, только с ударением не все ладилось.— Вы ведь не хотели его обидеть.

— Это с моим-то немецким?! — взмолился Иван.— Хватит и вон того вавилонянина с крысой.

— С вашей крысой,— поправил Миклош.— И я не уверен, что он вавилонянин.

— Ну, ассириец.

— Сириец, вы хотели сказать? В Ассирии так не одевались.

— Адаптировался,— возразил Иван.— Сменил хитон на фракную пару.

— Неплохо,— кивнул Миклош.— Пусть будет по-вашему. Вернемся к компаньону.

— Собутыльнику,— уточнил Иван, только теперь обратив внимание на оклеенную соломкой бутылку перед итальянцем.— А он не дурак выпить!

Венгр укоризненно покачал головой:

— Хорошо, что он не понимает по-русски. Ну хотите, я извинюсь от вашего имени?

«Чего я выламываюсь? — с горечью подумал Иван.— Самому противно. Представляю, каково другим».

— Как хотите, Миклош.

Не поднимая глаз от тарелки, итальянец ел длинные тонкие макароны с мясной подливой. Миклош деликатно кашлянул.

— Мой коллега просит извинить его за неудачную шутку.

Итальянец положил вилку и взглянул на Миклоша.

— Поверьте, он не хотел вас обидеть.

Монах молча перевел взгляд на Ивана. Иван виновато улыбнулся и развел руками.

Глаза у итальянца были потрясающие. С такими и язык знать не обязательно: без слов все скажут. «Не обижаюсь,— сказали глаза.— Все в порядке. Вы мне нравитесь, ребята». Миклош не видел выражения глаз итальянца. И потому ничего не понял.

— Нам обоим очень неловко перед вами, синьор.

Монах скорчил постную мину и вдруг озорно подмигнул и звонко расхохотался. Псевдо-вавилонянин вздрогнул и перестал жевать. Хмурый субъект за соседним столом продолжал невозмутимо терзать вилкой котлету.

— Пустяки! — Глаза у монаха так и искрились от удовольствия.— Мало ли что бывает между друзьями. Мне с вами хорошо, синьоры.

«Самое время смываться,— подумал Иван.— Сейчас начнутся

сантименты». Сообщил буднично:

— Пойду, пожалуй. Что-то ко сну клонит. До свидания, синьоры.

Насчет сна он приврал. Не давало покоя тревожное чувство неудовлетворенности и упрямая решимость любой ценой добиться своего. И поп, и команданте в разных выражениях высказали одну и ту же мысль: с «Надежды» ему не уйти. И увильнули от прямого ответа на вопрос, зачем здесь он и что вообще представляет собой эта чертова «Надежда».

Чего они хотят от него? От всех остальных на экспрессе? Иван мысленно представил себе зал столовой. Многие столы, правда, пустовали, и все же человек тридцать-сорок набиралось наверняка. Публика была разношерстная, и вряд ли всех волновали те же вопросы, что и его. Истеричку, поднявшую скандал из-за спаржи, например. Любителя жареных кроликов. Или того типа с кислой рожей и рыбьими глазами.

Миклош — другое дело. И еще, пожалуй, итальянец. Хотя вряд ли. Он еще осмотреться не успел.

Иван прошел по пустынному, как всегда, коридору, остановился возле своей двери. Коридор продолжался вправо и влево, пустой и безмолвный.

«Тюрьма,— тоскливо подумал Иван.— Комфортабельная, со всеми удобствами. Без намека на охрану и надзирателей. И все же тюрьма».

Его вдруг осенило, почему коридор всегда пуст. Они специально делают так, чтобы пассажиры «Надежды» не общались друг с другом наедине. В столовой — пожалуйста, а тет-а-тет — ни-ни. Поэтому и в зимнем саду ни души, когда ни приди. И в библиотеке. Любопытно... А что если...

Он оглянулся. Вход в столовую был рядом, в каких-нибудь тридцати шагах. Из-за двери слышалась музыка. Еще не решив окончательно, что он намерен делать, Иван вернулся и распахнул дверь. В зале не было ни души.

Час от часу не легче. Он шел по коридору, машинально считая шаги и стараясь осмыслить случившееся. Поровнялся со своей дверью. Тридцать два шага. Разумеется, Миклош с итальянцем могли за это время покинуть ресторан и разойтись по своим комнатам. И вовсе не обязательно, чтобы они прошли мимо него. Коридор продолжается и в противоположную сторону. Сколько прошло времени с тех пор, как он оставил ресторан? Три минуты? Ну, пусть пять. Получается, они ушли

из ресторана сразу же вслед за ним? Вряд ли. Миклош был явно настроен поболтать с монахом. И тот только-только распробовал кьянти. Что же они — всё разом побросали и ринулись как на пожар? Чушь какая-то. Но факт остается фактом...

Иван покачал головой и вошел в комнату. Вначале он подумал, что ошибся дверью, но тут же убедился в обратном. Планшет над кроватью, пилотская куртка на дверце шкафа, на столе возле торшера раскрытый томик Хемингуэя... Комната принадлежала ему. Но тогда...

— Что вы тут делаете? — резко спросил Иван.

Человек встал с кресла.

— Закройте, пожалуйста, дверь.

Иван рванул на себя дверную ручку и вызывающе уставился на непрошеного гостя.

— Руперт.— Это был застольный сосед дамы-истерички. На этот раз выражение его лица было не таким постным, как во время обеда, но скепсис на нем проступал явно.

— Что?

— Руперт,— уныло повторил скептик.— Приблизительно так звучит мое имя по-русски. Себя можете не называть. Я вас знаю.

— Что вы тут делаете? — повторил Иван.

— Жду вас.

— Зачем?

— Чтобы ответить на ваши вопросы.

— Та-ак,— Иван растерянно потер подбородок.— Давайте присядем, что ли. Чаю хотите?

— Чаю...— бесстрастно повторил Руперт.— Это обязательно?

— Что обязательно? — переспросил Иван.

— Хотеть чаю.

«Чокнутый,— подумал Иван.— Или прикидывается»,

— Ни то, ни другое,— гость был невозмутим,— Просто у нас это не принято.

— У вас — это где? — До Ивана только теперь дошло, что унылый читает его мысли. Это было страшновато, но любопытно.

— Не имеет значения.— Гость опустил в кресло,— Задавайте вопросы.

«А ты нахал, братец,— мысленно усмехнулся Иван,— Можно подумать, я пришел к тебе, а не наоборот».

— И это неважно.— Гость вскинул на него блеклые, неживые

глаза.— Вас интересует, куда вы попали и зачем?

«Почти слово в слово»,— отметил Иван.

— Верно,— кивнул Руперт.— Почти слово в слово. Итак, куда вы попали... Экспресс «Надежда»,— он помолчал, видимо, подбирая нужные слова,— это лаборатория, испытательный полигон, музей и... зверинец. К сожалению, в вашем языке нет слова, которое объединяло бы все эти понятия.

— А в вашем? — не выдержал Иван. Гость дернул щекой.

— В нашем есть. Но об этом позднее. Вопрос второй: зачем вы здесь.

— Можете не отвечать.— Иван сел в кресло и вытянул ноги.— На этот вопрос вы уже ответили. Музейный экспонат, обитатель зверинца, подопытное животное. Так?

— Приблизительно.— На лице Руперта промелькнуло что-то похожее на сочувствие.— У вас ведь тоже есть лаборатории и ведутся эксперименты над живыми существами. Примерно то же и здесь. Другие масштабы, методология, задачи и цели. Суть та же.

— Понятно,— буркнул Иван. Не нравился ему этот добровольный консультант. То ли внешностью, то ли фактом непрошеного вторжения. Так и подмывало взять за шиворот и выставить в коридор.— Вы сказали «приблизительно». Самолюбие мое щадите?

— Самолюбие, самолюбие...— В голосе собеседника проклюнулось беспокойство.— Извините, не понимаю.

— И не надо.— Иван почувствовал себя увереннее.— Продолжайте.

— Я, собственно, закончил.— Руперт поерзал в кресле, поправил узелок галстука.— Если вас интересует что-то еще...

— Интересует.— Иван облокотился на стол, не сводя глаз с собеседника. Теперь лицо Руперта уже не казалось отталкивающим. И постная мина, если взглядеться, была результатом неуловимого смещения пропорций: не то нос длинноват, не то щеки слишком опущены. И что самое странное — лицо это действительно было знакомо Ивану.— Многое интересует. Но сначала вопрос приват кого, если хотите, порядка. Вы-то сами как здесь очутились?

— Я здесь работаю.

— Даже так?

— Не верите?

— Отчего же, верю. Свой человек здесь, стало быть?

Руперт неопределенно повел плечом.

— По пути сюда,— Иван кивнул в сторону коридора,— я вспомнил,

что забыл спички на столе. Вернулся в столовую, а там ни души. Эго как прикажете понимать?

— Проще простого.— Выражение лица Руперта в эту минуту можно было назвать улыбкой.— Кто-то из ваших мудрецов, не помню, кто именно, сказал: в одну и ту же реку нельзя войти дважды...

— А попроще нельзя?

— Нет. Проще уже некуда.

— Знаете, что я сейчас подумал?

— Конечно. Чего ом приперся? Какого черта ему от меня надо?

«Стоп! — приказал себе Иван.— Ни о чем не думать. Забить мозги какой-нибудь чепухой». И он мысленно замурлыкал первое, что пришло на ум:

В чахлой чаще чапарраля
Два ковбоя загорали
И судачили о том,
Как состряпать суп с котом.

— А вы молодец! — Руперт одобрительно хмыкнул.— Ловко сознание заблокировали. Неужели сами додумались?

— Неважно,— буркнул Иван, продолжая мурлыкать:

Только песня не о том,
Как состряпать суп с котом.

— Верно,— кивнул Руперт,— Песня не о том. А пришел я к вам потому, что попали вы сюда из-за меня. Это ведь я вас тогда из горящего самолета вытянул.

«Вот где я его видел! — вепомнил Иван и тут же спохватился.— В чахлой чаще чапарраля...»

— Перестаньте! — попросил Руперт.— Неужели вам делать больше нечего? Не хотите разговаривать — так прямо и скажите. Я уйду.

«А ведь и правда — уйдет!» — весело подумал Иван.

— Минутку! — ом вскочил и прислонился спиной к двери.— Только через мой труп!

— Младенец вы, Иван! — усмехнулся гость.— Смотрите.

Он поднял перед собой согнутую в локте руку, звонко щелкнул пальцами и... растаял в воздухе.

— Вот тебе и раз! — Иван растерянно огляделся по сторонам. Дверь мягко толкнула его в спину. Он шагнул на середину комнаты и оглянулся. На пороге стоял Руперт.

— Лихо! — восхитился Иван,—Черная магия или как?

Руперт усмехнулся и притворил дверь.

— Глядите.— Он сделал шаг вперед, опустил руки и на глазах у Ивана вдруг начал погружаться в пол: по колени, по пояс, по грудь. Кивнул и исчез, словно в воду окунулся. И в то же мгновение ногами вперед проклюнулся сквозь потолок и плавно опустился на пол. Шагнул к иллюминатору, оттолкнулся ногами и, вытянув перед собой руки, скользнул сквозь толстенное стекло наружу, прямо в клубящиеся, подсвеченные багряными отблесками тучи. Развернулся, словно рыба в воде, приветственно помахал рукой и вдруг очутился в кресле возле стола, где сидел в самом начале разговора. Сочувственно покивал Ивану.

— Садитесь, продолжим беседу.

— Ну и ну! — Ивам сел, стараясь сохранить независимый вид.

— Нравится?

— Гипноз,— презрительно отмахнулся Иван,—Знаем мы эти штучки.

— Конечно, знаете,— охотно согласился Руперт.— Волхвы, маги, экстрасенсы, хилеры — все в одну кучу. И все это детский лепет, дорогой мой. Хотите знать, чем сейчас ваш друг Миклош занят?

— Не хочу.

— Со мной беседует. Не верите?

Ивам молча пожал плечами.

— Правильно делаете.— Руперт поднялся и сделал ручкой, как минуту назад из-за иллюминатора.— До завтра, Иван Зарудный.

И вышел из комнаты. Через дверь. Как нормальные люди.

Визит Руперта основательно выбил Ивана из колеи. Кое-что, правда, прояснилось, но зато все остальное было настолько ошеломляющим, что Иван отказывался верить собственным глазам и ушам. Невольно проскользнула мысль: а что, если прав поп Мефодий со своим вариантом царствия небесного? Рай не рай, а чудес с избытком. Иван усмехнулся и отбросил мысль прочь.

В сообщении Руперта было что-то обидное и унижительное. Как он выразился? Зоопарк? Нет, зверинец. Лаборатория. Испытательный полигон. Музей*

Ну, музей еще куда ни шло. Лаборатория, допустим, тоже. Но при чем тут зверинец? Хотя... Он перебрал в памяти завсегдатаев столовой и раздосадованно крикнул. Зверинец не зверинец, а паноптикум налицо.

Иван стиснул зубы и изо всех сил уперся затылком в стену поверх спинки кресла. Кресло бесшумно скользнуло почти на середину комнаты. Иван ругнулся сквозь зубы встал и затопал в ванную.

Если по совести, комфорт на экспрессе «Надежда» был отлажен на все сто. И ванная комната не являла собой исключения. Иван разделся, повесил одежду в шкаф, захлопнул массивную, как у холодильника, дверцу, крутнул похожее на диск телефонного аппарата реле. К тому времени, когда он выкупается, одежда будет выстирана, просушена и отутюжена.

По шероховатым, отливающим матовой белизной ступеням Иван спустился в бассейн и лег на спину, заложив за голову руки. Вода была теплая, прозрачная, с чуть голубоватым оттенком, пузырилась, словно газировка в стакане. Пахло озоном. Пузырьки оседали на теле, приятно Щекоча кожу.

Медленно перебирая ногами и покачиваясь, Иван закрыл глаза, смакуя состояние расслабленности и блаженной истомы.

«Руперт,— лениво подумал он.— Странное имя... Станный визит... Станные фокусы... Чего он добивается? Хочет запугать? Непохоже. Сбить с толку? Зачем? И почему появился именно теперь?»

Он мысленно перебрал в памяти все, что предшествовало появлению Руперта: встречи с команданте и отцом Мефодием, застольный диалог с Миклошем, дурацкий обмен фразами с толстяком, появление итальянца...

Миклош отпадает сразу: встречи с ним — величина постоянная. Толстяк тоже: когда ни приди, в столовой ошивается. Визгливая истерика его соседки по столу? Также не симптом. Такие инциденты возникают в столовой почти ежедневно.

Иван поморщился и переменял положение. Вроде бы что-то забрезжило. Сегодня он впервые был у коман- дайте и потребовал объяснений. Потом был довольно резкий разговор с отцом Мефодием и были заданы те же вопросы. И после этого в столовой впервые появился Руперт. Впрочем, и итальянец тоже. Как Миклош выразился? В отместку за отца Мефодия? Да, именно так. И все-таки итальянец тут скорее всего ни при чем. Остается Руперт...

Иван окунулся с головой, отжал волосы, провел ладонями по лицу и

удобно устроился на ступеньке по грудь в воде.

Итак, Руперт... Ну что ж, попробуем разобраться. Умеет читать мысли. Остальной персонал «Надежды», надо полагать, тоже. Если до сих пор в отношении ко мне не было никаких перемен, значит, мой образ мыслей их устраивал. И вот сегодня во время разговора с команданте я впервые высказался о побеге с экспресса. А потом еще и повторил это отцу Мефодию. Взял, как говорится, быка за рога. И сразу же на сцене объявился Руперт. Новый пастырь вместо оскандалившегося попа.

Иван сполоснул разгоряченное лицо.

Теперь появление Руперта уже не казалось таким странным. А коли так, грош цена всем рупертовским «откровениям»!

Иван поднялся по ступенькам и, оттолкнувшись ногами от бортика, шумно нырнул. По светящимся стенам заструились голубоватые ручейки.

За завтраком Иван тщетно вертел головой, вглядываясь в самые дальние уголки столовой. Руперт отсутствовал, и это еще раз убеждало в правильности вчерашней догадки.

— Вы кого-то ищете? — буднично поинтересовался Миклош.

— Ищу, — раздраженно буркнул Иван. Подозвал официанта и, когда тот подошел, резко оттолкнул от себя тарелку с овсяной кашей. — Подайте ростбиф! И чтобы с кровью был, ясно?

Монах молча пил кофе, поглядывая то на одного, то на другого. Ивану было не по себе под его взглядом, но он не спешил пускаться в объяснения, хотя вопрос осязаемо витал в воздухе.

— Что-то случилось? — Глаза Миклоша не предвещали ничего хорошего. Тон тоже. Иван с невозмутимым видом потянулся к графину.

— Понимаете, Миклош...

— Вас что — в бароны произвели этой ночью? Как вы разговариваете с официантом?

Иван налил себе соку, поставил графин. Спросил, не поднимая глаз:

— Вам никогда не приходило в голову повидаться со мной тет-а-тет, Миклош?

Гнев в карих глазах венгра сменился удивлением.

— Куда вы клоните, Иштван?

— Да или нет?

— Ну, да.

— И что же вам помешало?

— Вас невозможно застать в комнате.

— А вы заглядывали з нее?

— Я не так воспитан, Иштваи.

— А я так! — Иван почувствовал, что вот-вот сорвется.— Извините, Миклош. Вчера вечером я постучался к вам и, не получив ответа, вошел.

— В котором часу, Иштван?

— Примерно в десять.

— Я был у себя.

— А я,— Иван вздохнул,— просидел в вашем кресле до половины двенадцатого. И ушел, никого не дождавшись.

— Вероятно, вы ошиблись дверью.

— Возможно,— согласился Иван.— Непонятно только, как попал туда томик Шандора Петефи и «Рождение» Иржи Волькера.

Растерянного Миклоша было еще более видеть, чем рассерженного.

— Как же это могло произойти? Уверяю, Иштван, я был дома и никуда не отлучался. Вы понимаете что-нибудь?

— Да.— Иван вздохнул.— Все очень просто, Миклош. Нельзя дважды войти в одну и ту же реку.

— Просто? — Миклош с сомнением покачал головой.— Не думаю. Наверное, вы все-таки перепутали комнаты. А Петефи и Волькер — случайное совпадение.

— Нет, Миклош.— Иван поднес стакан к губам и безо всякого аппетита сделал пару глотков.— Там была еще третья книга — стихи Аттилы Йожефа. С дарственной надписью. Я не знаю венгерского, но прочесть слова «Миклош Радноти» я все же сумел.

Чтобы не встречаться глазами с Миклошем, он отвернулся и стал снова осматривать зал. Стол, за которым вчера сидел Руперт, был пуст. Судя по скомканной салфетке, блондинка уже успела позавтракать. За соседним столом гурман-ассириец с отвращением ковырялся ложкой в овсяной каше. Поодаль ожесточенно спорили о чем-то двое подозрительного вида субъектов. Рыжий турок в феске с кисточкой плотоядно строил глазки флегматичной толстухе.

— Вам никогда не казалось странным,— Иван повернулся к Миклошу,— что мы с вами видимся только здесь, в столовой?

— Я полагал, что вы сами этого хотите.

— А кого-нибудь из них,— Иван качнул головой на соседние столы,— вы встречали вне столовой?

— Нет.

— Ия нет. Но вчера у вас было исключение, Миклош.

— Что вы имеете в виду?

— Руперта.

— Кого-кого?

— Типа, который чихнул на свою соседку. Вчера за ужином. Был он у вас?

— Да,— спокойно кивнул венгр.

— И вы беседовали обо мне?

— Нет, Иштван. Беседы не было. Была попытка, но я ее отклонил.

— Почему, если не секрет?

— Не имею привычки беседовать о друзьях с незнакомыми людьми! — рассердился Миклош.— У вас есть еще вопросы ко мне?

— Нет,— мотнул головой Иван.

— Тогда, может быть, объясните мне, что все это значит?

Иван понимал, что ведет себя как последний кретин. Ему страшно хотелось рассказать о вчерашнем визите Руперта. Извиниться перед Миклошем. Но что-то его сдерживало. Он и сам не знал что.

Миклош допил сок, прикоснулся к губам салфеткой и аккуратно положил ее рядом с прибором. Наблюдавший за ними итальянец тоже промокнул губы салфеткой.

— Синьор Джордано.— Ивана Миклош подчеркнул не замечал.— Хотите подышать свежим воздухом?

— Разумеется,— поспешно откликнулся итальянец.— С удовольствием составлю вам компанию.

— До свидания,— обронил Миклош, поднимаясь из- за стола.

— Ариведерчи! — вежливо попрощался монах.

Глядя, как они, переговариваясь, идут к выходу, Иван ощутил почти физическую боль утраты чего-то бесконечно родного и близкого. Он знал, что ждет их за дверью: растерянность, страх, мучительное ощущение одиночества и собственного бессилия, но не мог ни помочь им, ни даже окликнуть. Достал папиросы, закурил, жадно втягивая в себя обжигающие гортань струйки дыма.

Коридору не было конца. Если верить наручному хронометру, Иван шел уже больше трех часов. Шел не останавливаясь, размеренным спортивным шагом, а прямой, как стрела, коридор по-прежнему тянулся вдаль: безликий и изнуряюще монотонный. Менялись только цифры на дверных табличках: вначале двухзначные, потом трех-

четырёх-, а теперь пошли уже пятизначные номера — четные слева, нечетные справа.

От табличек рябило в глазах. Иван старался не смотреть на них, но больше взгляду было зацепиться, не за что, и он опять начинал произвольно коситься то вправо, то влево. Время приближалось к обеду, но при одной мысли о трехчасовом возвращении начали отчаянно ныть ноги и пропал аппетит.

Пора отдохнуть, спокойно решить, что и как делать дальше. Без особой надежды Иван толкнул ближайшую дверь. Она оказалась не заперта. Постучал и, не получив ответа, вошел.

Комната была точной копией той, которую он занимал. Он шагнул к двери в ванную, опять постучал и опять не получил ответа. Огляделся. Похоже, здесь никто не жил — постель заправлена аккуратно, как по линейке, кресла с геометрической точностью расставлены по бокам журнального столика, задвинутый в угол торшер. И полное отсутствие каких-либо личных вещей.

Иван облегченно вздохнул, сел, сбросил ботинки и, откинувшись на податливую спинку кресла, с наслаждением вытянул ноги. Через минуту он уже спал, но и сон был как бы гипертрофированным продолжением фантастической реальности: из молочно-белого тумана возник команданте в безукоризненном голубом мундире, потом туман запылялся пронзительно-алым светом и фигура команданте начала стремительно таять и сквозь нее проступил ажурный решетчатый силуэт, отдаленно напоминавший человеческий и разительно от него отличающийся. Вдруг пошел дождь, и на его фоне еще четче проступил черный, словно обуглившийся каркас того, что еще недавно именовалось команданте. Дождь перестал, и угольно-черный скелет на глазах оброс плотью и превратился в... отца Мефодия. Потом поп исчез, и на его месте возникла фигура Руперта. Руперт уставился Ивану в глаза, подмигнул, и сквозь него явственно проступил схематический силуэт человека, каким рисуют его дети: черточка — туловище, две черточки — ноги, черточка — руки и заштрихованный кружок — голова.

Иван брезгливо передернулся, открыл глаза и вздрогнул: перед ним, уныло помаргивая, стоял Руперт.

— Не ожидали? — Руперт медленно поднял руку и поправил узелок галстука.

— Как сказать,— Иван потянулся и сладко зевнул.— Я вас во сне

видел.

— Где? — переспросил Руперт.

— Во сне.— Иван встал и, разминаясь, подвигал плечами.— Спал и видел, понятно?

— Видели с закрытыми глазами? — удивился Руперт.

— А как еще видят во сне?

— Не знаю.— Руперт переступил с ноги на ногу.— Думаю, это был не сон.

— А что же это было?

— Проекция.

— Что? — в свою очередь удивился Иван.

— Я показал вам, кто есть кто.

У Ивана пересохло во рту.

— Вы хотите сказать, что команданте, отец Мефодий — не люди?

Руперт кивнул.

— Ия тоже. Присядьте, Иван. У вас колени дрожат.

Иван плюхнулся в кресло.

— И давайте сразу условимся: ничему не удивляться. Все, что вас тут окружает, невероятно сложно. Без подготовки вам этого не понять. Так что — либо принимайте на веру, либо...

— Что «либо»?

— Оставайтесь на экспрессе и изучайте. На это потребуются годы. А, вы, насколько я понимаю, намерены побыстрее отсюда вырваться. Или раздумали?

— Нет,— Иван помассировал ноги.— Не раздумал и не раздумаю.

— Откровенно говоря,— Руперт продолжал стоять,— мне ваше стремление непонятно. Ни смысла, ни логики не вижу. Вам что — жить не хочется? вспомните, откуда я вас выхватил.

— Помню,— Иван перестал растирать икры.

— И опять хотите туда же?

— Да.

— Не понимаю,— повторил Руперт, опускаясь в кресло.— У вас на Земле все шиворот-навыворот. Что притягивает бабочку на огонь свечи? Какой инстинкт побуждает китов выбрасываться на берег? Чем руководствуется самоубийца, пуская себе пулю в лоб? — Руперт помолчал и недоуменно развел руками.— Непостижимо. Какое-то непонятное, нерациональное отношение к жизни.

— Вы, Руперт, все в одну кучу валите. Вот вас и заносит.

— То есть?

— Бабочка — это одно. Кит — совсем другое. А уж чел.,овек — и подавно. Бабочку что на огонь привлекает? Тепло и свет. А то, что она сгореть может, ей и невдомек. С китами посложнее. Их предки когда-то жили на суше. Может, потому и тянет их обратно из океана. Кстати, не одни киты на берег выбрасываются. Дельфины тоже. Только все равно никакое это не самоубийство. Слепой инстинкт. А когда человек на такое решается, значит, нет у него другого выхода.

— И у вас? — негромко спросил Руперт.

— Что у меня?

— Нет выхода?

— Ну и логика у вас, Руперт! — возмутился Иван.— Ему одно толкуешь, а он знай свое гнет. Я друга спасал, понимаете? А вы мне помешали!

— Но ведь вы знали, что идете па верную смерть?.

— Я об этом не думал. Некогда было. Одно вам скажу: если бы после тарана остался вот такусенький шанс выжить, я бы в него зубами вцепился!

— Непостижимо!..— задумчиво повторил Руперт.— Иногда мне кажется, что эта затея с экспрессом «Надежда» обречена. И мы попусту тратим время.

Он откинулся на спинку кресла и закрыл глаза. Некоторое время оставался неподвижным, потом все так же, не открывая глаз, задумчиво прочел нараспев:

И тям, где ничего не надо,
В невероятном далеке
Прикосновенье листопада
К твоей пылающей щеке.

Стихи были странные, чувствовалась в них щемящая тоска и безысходность. Руперт пошевелился и открыл глаза.

— Вот уж не думал, что вы поэзию любите,— ухмыльнулся Иван.— Да еще упадническую.

— Упадническую? — не понял Руперт.

— Такую, от которой на душе кошки скребут.

— Кошки? — Лицо оставалось бесстрастным, но, судя по голосу, Руперт обиделся.— Вы хоть догадываетесь, что это было?

— Стихи? Право, Руперт, я не хотел вас обидеть.

— Я сам виноват.— Руперт кивнул.— Забылся. Не следовало произносить их вслух.

— Почему?

— Это... Как бы поточнее, заклинание, что ли... Философское кредо... Гимн... Нет,— он безнадежно махнул рукой,— Все не то. У вас и категорий-то таких нет. Не поймете.

— Так уж и не пойму! — обиженно буркнул Иван.

— Ладно вам. Самолюбие, амбиции. К чему это? Я ведь вам объяснил: мы не люди. И такие вещи просто-напросто не воспринимаем. Давайте лучше о деле.

— Давайте.

— Комманданте прав. В одиночку вам отсюда не выбраться. Думаете, коридор ведет куда-то? Никуда. О ленте Мёбиуса слышали? Экспресс «Надежда» примерно то же самое. Во времени и пространстве. Понимаете?

— Нет,— признался Иван.

— Не беда. Уясните себе одно: вам пособник нужен. Сообщник. И этот сообщник — я. Верите?

— Нет.

— Правильно. И я бы на вашем месте не поверил. Стимул должен быть, верно?

Иван кивнул, не сводя глаз с собеседника.

— Со стимулом посложнее.— Руперт облокотился о столик, сплел пальцы.— Скажем, так: у меня с комманданте личные счета. Вот я и решил ему насолить. Устраивает?

— А если серьезно? — Иван достал из кармана папиросы.

— Вам-то не все равно? Хочу помочь — значит, есть на то причины.

— Ладно.— Иван закурил и оглянулся в поисках пепельницы.— В конце концов, это ваше личное дело.

— Стряхивайте на пол,— разрешил Руперт.—Так уж и быть, подмету.

— Это что — ваша комната?

— Моя.

— Далековато забрались.

— Ничуть. Мы с вами соседи. Через стенку живем. А столовая рядом...

Ни слова не говоря, Иван вышел из комнаты и огляделся. Коридор

оставался прежним. Да и что в нем, собственно, могло измениться? Пол из имитированного под паркет пластика, потолок с матовыми прямоугольными плафонами, два ряда уходящих в бесконечность дверей. Иван глянул на ближайшую и досадливо хмыкнул: на номерной табличке красовалась двухзначная цифра. Все еще не веря, он толкнул дверь и вошел. Планшет висел на месте. На неприбранной постели валялся томик Хемингуэя. Посреди стола топорщилась окурками пепельница.

— Дела-а...

— Вот вам и «дела-а»! — Вездесущий Руперт был тут как тут. — В экспрессе куда ни иди — далеко не уйдешь. И не думайте, что это я вам подстроил: так запрограммировано.

«Нелепо получается, — признался себе Иван, — Отговаривает бежать — упорствую. А тут человек сам предлагает помочь...»

— Не человек, — поправил Руперт. — Биоробот.

Иван и ухом не повел, продолжая рассуждать: «Что меня сдерживает? Недоверие? А чем я рискую! Сорвется — буду другой ход искать. На ошибках учатся».

— Уже лучше, — кивнул Руперт. — А что касается риска... — Он помолчал. — Риск есть. Но со мной вы рискуете гораздо меньше.

— Слежка? — жестко спросил Иван.

— Слежка, наблюдение, контроль — какая разница? Заметили, что наши подопечные общаются только в столовой?

— Заметил! — Иван сам не понимал, что его бесит.

— Злиться-то зачем? — миролюбиво пожурил Руперт. — Будто у вас на Земле не то же самое.

— Конечно, нет!

— Бросьте. Психлечебницы, колонии, тюрьмы...

— Там больные или преступники.

— Не всегда... А здесь подопытные. Какая разница?

— Разница есть.

— Это с вашей точки зрения.

— Ас вашей?

— С нашей нет. В столовой вы общаетесь в рамках Программы. Все фиксируется: разговоры, мысли, эмоции, физиология. На то и Эксперимент!

— Знаете что! — вскипел Иван.

— Разумеется, знаю, — усмехнулся Руперт. — «Да как вы смее!»,

«Убирайтесь прочь!»

Он зевнул. Это было так неожиданно, что Иван растерялся.

— Сядьте.— Руперт указал рукой на кресло.— Кому нужны ваши амбиции? Вы что, у себя в лабораториях на животных не экспериментируете? А после этого о «братьях меньших» ваших сюсюкаете. Мы тут, по крайней мере, скальпелями не орудуем.

— Разве что,— буркнул Иван. Ему вдруг все опротивело: и предмет разгоревшегося было спора, и вообще весь разговор. Собеседник продолжал бубнить:

— Зато вне столовой каждый может делать что хочет. Отдыхайте, пользуйтесь библиотекой, смотрите видеофильмы, предавайтесь самоанализу.

— Даже так? — Иван представил обжору сирийца, предающимся самоанализу, и улыбнулся.— И никакой слежки?

— Почти. Личные наблюдения. В саду и библиотеке — тот, кого вы зовете отцом Мефодием. В комнатах и видеозале — ваш покорный слуга.

— А в коридоре?

— В коридоре никто.

— Вот как?

— Да. Это одно из условий Эксперимента.

— Не верю я вам, Руперт.— Иван опять полез в карман за папиросами.

— И зря не верите. Впрочем, ваше дело. Насильно, как говорится, мил не будешь.

Руперт поднялся, намереваясь уйти.

— Можно вопрос?

— Конечно.

— Допустим, я вам поверил. С вашей помощью побег удался. Но ведь меня наверняка хватят. А я — ваш подопечный.

— Странные вы существа, люди. Какое вам до этого деле? Ведь это я рискую, а не вы.

— И все-таки? — Иван закурил.— Что вам грозит?

— Все равно не поймете.

— Постараюсь.

— Он постарается! Слушайте, вы, комок протоплазмы! Вы в себе-то толком разобраться не в состоянии, а туда же! Что мне грозит! Кто я такой, чтобы мне что-то грозило? Биоробот. Деталь Программы и

только. Испорченную деталь заменят новой, вот и все.

— А куда денут испорченную?

— Вас это волнует?

— Да.

— Отправят на переплавку.

— Понятно.— Иван затаился, медленно выпустил струю дыма в сторону окна. Там, в лунном мерцании, угадывался какой-то абстрактный пейзаж. Произнес, медленно выговаривая каждое слово: — За то, что готовы помочь, спасибо. Но я вашей помощи принять не могу.

— Почему?

— Слишком дорого она вам обойдется.

— Ребенок вы, Иван.— В голосе Руперта впервые забрезжили эмоции.— Ладно. Ступайте обедать.

— А вы?

— А я уже давно там.

Войдя в столовую, он и в самом деле застал там Руперта, любезничающим с соседкой по столу. Дама так и сияла от удовольствия и, когда Руперт дружески кивнул Ивану, смерила его ревнивым взглядом и тотчас опять повернулась к собеседнику.

— Где вы пропадаете, Иштван? — как ни в чем не бывало поинтересовался Миклош. Итальянец кивнул и приветливо улыбнулся,—Мы уже решили, что вы не придете.

— Куда я денусь? — Иван раскланялся с монахом, пожал руку Миклошу,—Зачитался, не заметил, как время пролетело.

— Мы тут без вас заказали рассольник и дольму. Не возражаете?

— Не возражаю.— Иван не имел ни малейшего представления о том, что такое дольма. Это, должно быть, чертовски вкусно.

Подошел официант с фарфоровой супницей. Пожелал приятного аппетита.

— У вас усталый вид, Иштван,— заметил венгр, разливая рассольник по тарелкам.— Долго гуляли?

— Было дело,— Иван подвинул к себе тарелку.— Спасибо. Марафон в спортивно-познавательных целях.

Монах налил себе в стакан из оплетенной бутылки. Судя по наклону, бутылка была почти пуста.

«Сопьется, чего доброго»,— подумал Иван. Невидимый оркестр заиграл «Цыганские напевы» Сарасате. Иван, не поворачивая головы,

покосился на Миклоша. Тот ел, сосредоточенно глядя в тарелку. Под болезненно серой кожей на скулах отчетливо проступали желваки. «Хотел бы я знать, о чем ты сейчас думаешь»,— тоскливо посетовал Иван и, спохватившись, мысленно замурлыкал:

Подари мне, сокол, на прощанье саблю,
Вместе с саблей остру пику подари.

Слова были из песни и принадлежали девушке-казачке, провожающей любимого на войну, «в путь-дорожку дальнюю». Иван повторил их несколько раз, прежде чем до него дошел смысл припева.

«А казачка-то себе на уме,— усмехнулся он.— За перевооружение ратует. И то сказать, с пикой да саблей против «тигров» не повоюешь». Он представил себе выражение лица команданте, пытающегося осмыслить всю эту галиматью, и прыснул.

— Иштвану весело? — холодно осведомился венгр.— Расскажите, посмеемся вместе.

— Потом, Миклош. Не обижайтесь.— Он ощутил на себе чей-то взгляд и, не оглядываясь, встретился глазами с Рупертом. Тот одобрительно кивнул. Иван подмигнул и вернулся к венгру,— В следующий раз, хорошо?

— Дело ваше.— Миклош отставил тарелку.— Не получается у нас с вами разговор последнее время, вы не находите?

«Подари мне, со-о-кол»,— затянул Иван.

— Нахожу, Миклош...

«на прощанье са-а-аблю»,

— Не обращайтесь внимания...

«вместе с саблей остру пику подари!»

— ...это пройдет.

— Возможно.— Венгр взял из рук официанта блюдо с дольмой. Это были небольшие шарики из виноградных листьев с мясной начинкой. Иван разделил один шарик вилок и с наслаждением потянул носом. Аромат был потрясающий.

Миклош оценил блюдо по достоинству.

— В ваших краях вкусно готовят, Иштван.

— В наших? — изумился Иван.

— Дольма — узбекское блюдо,— хмуро пояснил Миклош.

— А! — Иван мог поклясться, что видит дольму впервые.

— Тогда чему вы удивляетесь? Разве вы не из тех краев?

— Из тех.— Иван прикончил еще один шарик,— Точнее — из Каракалпакии.

— Каракалпакия,— с трудом повторил венгр.— Это город?

— Автономная республика.

— И большая?

— По площади — да. Около 160 тысяч квадратных километров.

— О,— Миклош удивленно покачал головой.— Больше Венгрии.

— Зато по населению наверняка меньше. Полмиллиона человек.

— Так мало?

— Пески,— пояснил Иван.— Кызылкумы, Устюрт. Приаралье в общем. Необжитые места.

Они говорили по-русски, и монах молча поглядывал то на одного, то на другого. Миклош, спохватившись, объяснил ему, о чем идет разговор. Итальянец улыбнулся и пожал плечами.

— Никогда бы не подумал, что русские так вкусно готовят.

— Азиаты,— уточнил венгр.

— А разве русские не азиаты? — искренне изумился монах.

— В основном нет,— усмехнулся Миклош и выразительно взглянул на Ивана.— Разве что за редким исключением.

Иван доел дольму и принялся за компот.

— Пусть будет по-вашему, Миклош. Азиат так азиат. Потомок кровожадного Чингизхана. Кстати, ваш Атгила тоже родом откуда-то из наших краев.

— Йожеф? — вытаращился венгр.

— Предводитель гуннов. Только не торопитесь с выводами.

— В отношении Аттилы?

— В отношении меня.

— Я попробую,— пообещал Миклош.— Попытка не пытка.

— Вот именно.— У Ивана отлегло от сердца.— Постарайтесь, Миклош.

Сад ходуном ходил от птичьего гомона. Самих возмутителей спокойствия не было видно, но чирикание, свист, рулады, взрывающийся шорох крыльев доносились со всех сторон. И еще в саду стояла весна. Трудно сказать, из чего складывалось это ощущение,— птичий ли гвалт был тому виной или тонкий аромат цветущих деревьев, но было сно настолько реальным, что перерастало в уверенность, и от этого захватывало дух и сладко кружилась голова.

Такое Иван наблюдал впервые, обычно сад был сонно спокойным царством вечного лета и никаких особых эмоций не вызывал.

Иван глубоко вздохнул, огляделся и только теперь увидел отца Мефодия. Это тоже было необычно. Всякий раз поп появлялся незаметно и заставлял его врасплох. Теперь роли поменялись: отец Мефодий стоял к нему спиной и явно не догадывался о его присутствии.

«Неужто и на святе Гниего весна действует?» — мысленно усмехнулся Иван и неслышно подошел поближе. Поп глядел куда-то вниз и, проследив его взгляд, Иван увидел стайку серебристых рыбешек, весело развящихся в прозрачной воде бассейна.

— Благоденствуете, отче?

Поп взбрыкнулся, как ужаленный, и ошалело вытаращил глаза.

— Однако и манеры у вас!

— Пролетарские, батюшка.— Иван достал спичку и демонстративно принялся ковырять ею в зубах.— Пролетариат он кто?

— Кто? — машинально повторил поп.

— Гегемон!

— Гегемон? — изумился поп.

— Гегемон,— заверил Иван.— Можете не сумлеваться.

Поп продолжал оторопело моргать. «Неужели притворяется?»— Иван спохватился и мысленно забубнил: «Расцвели яблони и груши, поплыли туманы над рекой», не сводя глаз со священника. Тот оправился от первого потрясения и возмущенно хрюкнул. Продолжая наблюдать за своим визави, Иван вывел Катюшу «на высокий берег на крутой», дал ей спеть «про степного сизого орла», выразил уверенность, что орел вспомнит и услышит, пожелал ему беречь землю родную, заверил, что «любовь Катюша сбережет»,— и все без видимого результата: отец Мефодий окончательно пришел в себя и сварливо упрекнул Ивана в отсутствии уважения если не к духовному (ох уж эти мне безбожники!) сану, то, по крайней мере, к преклонному возрасту.

— Не прибедайтесь, батюшка! — возразил Иван.— Не так уж вы и стары. Сколько вам набежало? Сорок? Сорок пять? Тоже мне старец!

Поп оскорбился и, не теряя достоинства, величественно покинул поле боя. «Неисповедимы пути господни! — иронически усмехнулся Иван вслед ретирующемуся отцу Мефодию.— Второе фиаско подряд. Эго при его-то гордыне! А с чтением мыслей у попа, видать, не того,— И без перехода: — Искупаться, что ли?» Вошел в раздевалку и направился

к бассейну, оставляя на песке четкие следы босых ног. Песок был теплый, чуть сыроватый, приятно щекотал ступни. Неистовый пернатый народец продолжал буйствовать в кустах и кронах деревьев.

«Ишь, разгулялись!» — невольно улыбнулся Иван и вдруг остановился как вкопанный: по голым икрам упруго скользнула струя холодного воздуха. Иван нагнулся, опустил руку. Холодом тянуло слева, вдоль бассейна, и, мысленно проследив направление, Иван увидел, как пружинисто подрагивают листья на овальном участке аккуратно подстриженной живой изгороди. С трудом раздвинув густо сросшиеся кусты, он протиснулся сквозь них и, пройдя еще несколько шагов, уперся в прозрачную стену купола. Стена была гладкая на ощупь, без единой трещинки, но, наклонившись, он обнаружил широкое отверстие, в которое врвался резкий ледяной ветер. По ту сторону прозрачного купола над изумрудно-зеленой степью ярко светило солнце. Но когда, встав на колени и жмурясь от солнца и ветра, он, заглянул в отверстие, картина мгновенно изменилась. Там, откуда несло пронизывающим холодом, тянулась сумеречная заснеженная равнина и вдали едва угадывались на горизонте сглаженные очертания белых холмов.

Первым его побуждением было нырнуть в пролом, но уже в следующую минуту благоразумие взяло верх: он представил себя почти голого в ледяной сумеречной пустыне и, содрогнувшись всем телом, распрямился и отпрянул назад, подальше от искушения.

Мгновенье спустя он был уже в раздевалке и лихорадочно натягивал одежду. Кое-как зашнуровав ботинки, не разбирая дороги, рванулся из зимнего сада.

«Только бы успеть! — колотилось в сознании.— Только бы не опоздать!» Вихрем влетел в комнату, трясущимися руками обмотал шарф вокруг шеи, натянул куртку, схватил шлемофон и планшет.

— Остановитесь!

Иван замер, дико озираясь по сторонам. Голос исходил из ниоткуда. Голос Руперта.

— Не дайте себя обмануть.

— Где вы?!

— Неважно.— Голос был тускл и бесцветен.— Я с вами.

— Ч-черт! — Иван продолжал сжимать в руках шлемофон и планшет.— Кто это подстроил? Отец Мефодий?

— И он тоже. Вас испытывают. Не поддавайтесь.

Иван в сердцах швырнул шлемофон на кровать.

Плюхнулся в кресло. Изо всех сил стиснул зубы.

— Не верю вам, Руперт!

— Зря. Послушайтесь моего совета. Снимите куртку. Займитесь чем угодно. Но не вздумайте возвращаться в сад.

— Доказательства, Руперт! Почему я должен верить вам на слово? Где доказательства?

— Не валяйте дурака. Пролома в стене уже нет. Зато здесь команданте и тот, кого вы называете Мефодием. Они ждут вас.

— Откуда вы знаете?

— Я здесь. Вместе с ними.

— В саду?!

— Да.

Он убрал в шкаф куртку и планшет. Сбросил ботинки, завалился поверх покрывала на постель и наугад раскрыл томик Хемингуэя. Несколько минут тщетно пытался сосредоточиться на «Снегах Килиманджаро» и отложил книгу. Тоскливо подумал: «Руперт-Руперт... Кто вы? Враг? Друг? Искуситель?»

— Соучастник,— прозвучало в комнате. Иван даже не удивился. Закрыв глаза и повернулся лицом к стене.

Ужинали вчетвером.

— Казбек,— представился меднолицый парень с растерянными глазами. Ладонь у него была твердая, широкая, как лопата.— Из Алагира, слышали, может?

Жестковатый акцент выдавал горца.

— Осетин?

— Угадали! — просиял парень. На нем была клетчатая рубашка и потрепанные синие брюки. Брезентовая штормовка висела на спинке стула.— Садитесь с нами, гулять будем!

— Гулять? — переспросил Иван.

— Ну да. День рождения у меня. В квадрате. Одной ногой в могиле стоял — а вот жив. Можно сказать, второй раз родился.

Иван вопрошающе покосился на Миклоша. Венгр молча кивнул. «Понятно,— отметил Зарудный.— Все мы через это прошли. День рождения в квадрате. А что? Неплохо сказано!» Сел напротив итальянца. Тот безучастно перебирал четки.

— Отпалились,— Казбек, видимо, вернулся к прерванному разговору.— Чувствую, один шпур не сработал. Пошел проверять. А тут

лавина. Бежать поздно, укрыться негде. Конец, думаю...

«Все правильно,— устало подумал Иван.— Экстремальная ситуация. И тебе предлагают альтернативу».

— Вокруг все ходуном, а он руку протягивает. «Беги!»— кричу, а он ни с места. Хотел оттолкнуть, а тут нас и накрыло.

Подошел официант. Казбек прервал воспоминания и доверительно взял его за рукав.

— Слушай меня, дорогой. Шашлык из молодого барашка на всех. Свежие овощи. Зелень. Киндза, кресс- салат, базилик, петрушка, что там еще?

— Спаржа,— подсказал официант.

— Спаржа? — Казбек на мгновение задумался, решительно мотнул головой.— Не надо спаржу. Сухое «Цинандали» есть?

Официант кивнул.

— Дюжину.

— Остановите его, Иштван,— попросил венгр.

— Миклош, дорогой,— обернулся к нему Казбек.— Мы же с вами договорились!

«Ну и хватка! — восхитился Иван.— Когда он только успел?»

— А на второе олибах,— Казбек уже опять обращался к официанту.

— Какой еще олибах?! — взмолился Миклош.

— Осетинский пирог с сыром,— пояснил Казбек.— Пальчики оближете.

Итальянец, продолжая машинально перебирать четки, с интересом наблюдал за дискуссией.

— Успокойтесь, Миклош,— Иван едва сдержал улыбку,— Кутить так кутить.

— Вы спятели, Иштван?!

— Не исключено. А может, наоборот,— прозрел.

— А Джордано? — не сдавался венгр.— Вы его спросили?

Итальянец пожелал узнать, что такое шашлык и олибах, и, когда ему объяснили, пришел в восторг.

— Ну вот, видите! — резюмировал Казбек и заторопил официанта.

«Знал бы ты, куда тебя занесло!» — с неожиданной болью подумал Иван.

— Интересно получается,— продолжал Казбек.— Под лавину угодил, а цел-целехонек. Открываю глаза — комната. Море за окном. Дельфины резвятся. Чуть с ума не сошел. Входит тот самый гражданин.

«Есть хочешь?» — спрашивает. «Хочу». — «Пойдем». Ну и привел сюда.

«Руперт», — подумал Зарудный.

Засиделись допоздна. Управились с шашлыком. Съели пирог. И «Цинандали» уже перестало веселить. А они все продолжали сидеть за столом, то мирно беседуя, то молча слушая музыку.

Казбек полез в карман штормовки за папиросами и выронил на ковер продолговатый глянцевый цилиндр.

— Что это у тебя? — заинтересовался Иван.

— Детонит. — Казбек торцом поставил цилиндр на скатерть. — Сюда детонатор вставляется, бикфордов шнур. Запалить и... — он огляделся, — вся эта контора вдребезги.

Идея родилась мгновенно. Сумасшедшая. Дикая. Иван скрипнул зубами и ринулся в спасительную чашу чапарраля на поиски загорающих ковбоев. Потом встал и откланялся. Ковбои ковбоями, а над идеей стоило поразмыслить.

В коридоре матово светились плафоны. Приглушенно погромыхивало под ногами. Иван машинально огляделся — ни души. Если верить Руперту, здесь за ним никто не следит. Значит, можно спокойно все обдумать, не отвлекаясь ни на какую тарабарщину.

Эскапада в кабинете команданте, конечно же, мальчишество чистойшей воды. Брякнул сгоряча первое, что пришло в голову. Интересно, как они там у себя восприняли эту угрозу? Обхохотались небось. Хотя сгюмором у них, судя по всему, не того. Скорее наоборот: кинулись искать, где у него взрывчатка. Не нашли, естественно. И успокоились: не взорвет. И слава богу. Теперь остается заполучить у Казбека детонит, выбрать удобный момент и рвануть как следует. А когда начнется переполох, удрать с экспресса.

Иван представил мечущегося в панике команданте, злорадно усмехнулся и шагнул к своей двери. Приступ ледящего озноба обрушился внезапно, как удар молнии. С ужасающей ясностью он вдруг вспомнил поблескивающий столбик на скатерти, себя самого, пристально разглядывающего детонит, и голос Казбека: «...запалить и - 1- вся эта контора вдребезги».

Они все видели — сознание обожгло холодом. Все слышали! И не такие они кретины, чтобы не понять, что к чему!

Иван стиснул зубы и толкнул дверь.

— Ну? — Руперт стоял спиной к нему, глядя в иллюминатор. За стеклом в непроглядной тьме враждебно и холодно поблескивали

звезды.— Довольны?

— Я идиот,— обреченно признался Иван. Руперт покосился через плечо, промолчал.— И что теперь будет?

Руперт полол плечами.

— Что предпримут церберы?

— Церберы?

— Комманданте, Мефодий, вся эта братия.

— При чем тут церберы?

— Ни при чем, согласен,— нетерпеливо бросил Иван.— Но они все видели...

— Не перестаю вам удивляться,— буднично сообщил Руперт.— Зачем вам вообще бежать с «Надежды»?

— Ну, знаете ли!—задохнулся Иван.— Я вам уже Говорил.

— Повторите, если не трудно.

— Не трудно! — Ивана трясло.— Не хочу быть подопытной крысой!

— И все?

— У меня там друзья!

— Друг,— уточнил Руперт.

— Ну, друг. Может быть, я еще смогу ему помочь.

— Вот! — Руперт подошел вплотную, уставился Ивану в лицо скучающими глазами.— Это я понять могу.

Четко и ясно. Вы выполняли программу, я вам помешал. Стремление вернуться и довести программу до конца — естественно и закономерно.

Иван вытаращился на собеседника. В голове не было ни единой мысли.

— А то — «куда попал?», «зачем держат?», «подопытная крыса!»... Теологические дебаты с отцом Мефодием. Языковые экзерсисы с Миклошем. Ущемленное самолюбие. Амбиции. Угрозы. Пирушка в ресторане...— Руперт вздохнул и опять отвернулся к иллюминатору.— Непостижимые вы существа, люди. Хаотическое нагромождение парадоксов и алогизмов. Кому понадобилось закладывать в вас столько взаимоисключающих программ? Зачем вам пятнадцать миллиардов мозговых клеток, если задействована только десятая их часть? — Он покачал головой и неумело забарабанил пальцами по стеклу.— Океан информации пришлось пропустить через себя, чтобы хоть в общих чертах понять логику вашего поведения. Логика! — Руперт опять вздохнул.— Полнейший алогизм!..

Иван сочувственно покивал.

— Не согласны?

— Отчего же? Согласен. Кто-то из великих сказал: познать человека — значит познать Вселенную. Декарт, кажется.

— Мудрецов вам не занимать.— Руперт снова забарабанил пальцами, на этот раз по столу.— Каждый свое гнет. И каждый по-своему прав, заметьте. А в результате что? Басню про лебедя, рака и щуку помните?

— Конечно. Можно подумать, у вас все рационально.

— Разумеется. У каждого своя программа. От и до. И никаких эмоций.

— По-вашему, это лучше?

— Не знаю.— Руперт задумался.— До недавних пор был уверен, что лучше.

— А теперь? — быстро спросил Иван.

— Теперь нет.— Он взял со столика книгу, не глядя, перевернул несколько страниц. Опустил на колени.— Я довольно долго жил среди людей. Так было нужно. И я стал одним из вас. Снимал квартиру, ездил на работу, посещал театры, кино, ходил на стадион. Только друзьями не обзавелся. Не смог. Раздражало меня все, понимаете? Злило, вызывало протест. Едва выдержал. Думал, с ума сойду. А вернулся на экспресс и вдруг понял, не могу быть прежним. И никогда не смогу. Что-то переменилось во мне. По-другому на вещи смотреть стал. Прежде Программа была для меня всем. Целью и смыслом жизни. А тут... Теперь понимаете, почему я решил вам помочь?

Зарудный молчал. Ему было жаль Руперта. Хотелось верить каждому его слову. Он сознавал, что верить нельзя, и все равно верил. Достал папиросу, закурил, ломая спички.

Руперт скользнул по нему взглядом и, запрокинув голову, уставился в потолок.

— Дилемма: верить— не верить?

— Да.

— Не ломайте себе голову, вам этого все равно не понять. И не надо амбиций. Вы человек, я — биоробот. С вашей колокольни — механизм, машина, железка. Так?

— Не совсем.

— Совсем не так.— Руперт вздохнул.— Весь персонал «Надежды» составляют биороботы разного целевого назначения. А чем они

отличаются от иных пассажиров экспресса?

— Согласен.— Иван затянулся и стряхнул пепел.— Они — ничем.

— Понимаю,— кивнул Руперт.— Хотите сказать, я отличаюсь.

— Да.

— Тут особый случай. Они рассчитаны для работы в экспрессе и только. Они — его часть.

— А вы нет?

— А я нет. Я автономен, Могу работать в экспрессе и вне экспресса. Могу вообще обойтись без него. Думаете, более тонкая наладка и все? Нет. Принципиально иной подход. Комманданте, отец Мефодий и все остальные постоянно подключены к электронному мозгу «Надежды». Я же могу рассчитывать только на себя. Говоря языком ваших кибернетиков,— автономная, самопрограммирующаяся, постоянно совершенствующаяся система. Если проще, то меня наделили способностью до всего доходить своим умом и постоянно себя перестраивать.

«Понятия не имею, что все это такое, но он и в самом деле изменился»,— подумал Иван.

— Рад, что вы это заметили.— Руперт принял наконец нормальное положение и повернулся к Ивану лицом.— Так что, во-первых, у меня больше возможностей. А во-вторых, время в экспрессе «Надежда» — понятие условное. И вы это уже уразумели. Иначе зачем рваться обратно в свою реальность?

— Значит, это возможно?

— По земным понятиям — нет. Что прошло, то уже история. А историю вспять не воротишь. Другое дело экспресс «Надежда». Здесь все возможно. Дайте-ка и мне папиросу.

— Курите? — удивился Иван.

— Балуюсь. По старой памяти.— Он как заправский курильщик помял папиросу, прикурил от зажженной Иваном спички.— Ну так вот, дорогой мой. Экспресс никуда не движется. Мы стоим на месте и просто-напросто прокручиваем вашу историю. Как видеокассету. В любом направлении. А то, что вы наблюдаете там,— Руперт качнул головой в сторону окна,— вообще ничего общего с реальностью не имеет.

Он затянулся и пустил к потолку гирлянду колечек.

— Возможно, что вам и удастся удрать. Человек вы изобретательный и упорства вам не занимать. Но...— Руперт сделал

паузу, наблюдая за расплывающимися колечками.— Ничего путного из этого не получится. Экспресс неподвижен. Но история-то движется. Вот и занесет вас куда-нибудь в мезозой, к тираннозаврам. Или в тридцатый век.

— В тридцатый не надо,— сказал Иван.— И у тираннозавров делать нечего. Мне в тысяча девятьсот сорок четвертый год надо, довоевать хочу. Не пойму, что вы за человек, Руперт.

Последняя фраза сорвалась непроизвольно. Иван понял ее абсурдность, когда было уже поздно. На лице Руперта промелькнуло подобие улыбки.

— Ладно вам, не смущайтесь. Все правильно. От своих ушел, к вам не пришел. И никогда прийти не смогу.

— Скажите, Руперт.— Иван увел разговор з сторону,— я один замышляю побег?

— Миклош Радноти спит и видит то же самое. Знаете, откуда я его выцарапал?

— Догадываюсь.

— Из могилы. За пять секунд до расстрела.— Руперт помолчал.— А он рвется обратно. Зачем? На верную гибель?

— А нельзя...— Иван глотнул,— вернуть его домой, когда война уже кончится?

Нет.— Руперт покачал головой.— Мы не можем ничего менять в вашей истории. Единственное, что в моих силах, это доставить гибнущего человека сюда, на «Надежду». Или...— Он помолчал.— Не вмешиваться ни во что.

Иван расстегнул пуговицу на вороте гимнастерки.

— Ты поможешь ему, Руперт? — он и сам не заметил, как перешел на «ты».

— А как бы вы поступили на моем месте? — Их взгляды встретились, и Иван вдруг ощутил острую гложащую боль под левой лопаткой. На миг перехватило дыхание.

— Думаете, легко возвращать человека на верную гибель? — продолжал Руперт.— Такого, как Радноти?

Боль достигла апогея. От нее темнело в глазах и кружилась голова. Руперт продолжал бубнить.

— ...Шел в колонне таких же обреченных, как и он сам, шатался от голода и слабости и шепотом повторял стихи. Чтобы не забыть. Попробайся он их записать, его бы пристрелили на месте.

— Чьи стихи? — хрипло спросил Иван.

— Свои. «Подневольное шествие». Он записал их уже здесь, в экспрессе.

Руперт закрыл глаза.

— Я пытаюсь понять их и не могу. Я стараюсь забыть их и тоже не могу...— Он помолчал. Произнес глухо, чуть нараспев: — «Безумен, кто, упав, встает и вновь шагает...» Просто и ясно. И вдруг: «Товарищ, обругай. Вели мне встать! Я встану!»— Руперт совсем по-человечески скрипнул зубами.— Зачем вставать, если впереди все равно гибель? А теперь, когда уже все позади, стремиться обратно в ад, мученья, ужас?

— Вам этого действительно не понять, Руперт.— Иван опять перешел на «вы».— Разве мы с Миклошем похожи на самоистязателей?

— Нисколько.— Руперт мотнул головой и раскрыл глаза.— Ни вы, ни Джордано.

— Как, и он?.. Скажите, Руперт, это в самом деле великий Ноланец?

— А вы до сих пор не поняли?

— Как вам сказать...— Боль утихла, и он интуитивно старался уйти подальше от разговора о Миклоше.— Уж очень он спокоен. Ничему не удивляется, все принимает как должное.

— Тут вы, пожалуй, правы,—согласился Руперт.— Он и там, на площади Цветов в Риме, не удивился, когда я выдал ему дурацкое «хотите спастись?» Представляете? На костре, когда кругом пламя бушует! Но это мне еще понятно.

— Что вам понятно?

Вместо ответа Руперт слегка наклонил голову и плотно сжал зубы. «Чего это он?» — удивился Иван. Но тут в каюте зазвучал голос. Не Руперта. Голос принадлежал итальянцу:

— Подобно тому, как в этом равном по величине миру пространстве, которое плотники называют материей, существует этот мир, то и другой мир может быть в другом пространстве и в бесчисленных других пространствах, равных этому и находящихся по ту сторону его.

— Хотите сказать, он знал о вашем существовании? — не выдержал Зарудный. Руперт кивнул.

— Он философ, не говоря уже о том, что гораздо старше вас и мудрее.

— Он тоже хочет вернуться?

— Да.

— Зная, что его ждет?

— Да.

Руперт встал, подошел к двери.

— Теперь вы знаете все, Иван. Подумайте. У вас есть выбор.

— Хорошо.— Он тоже встал с кресла.— Я подумаю. Но сколько бы я ни думал, это все равно ничего не изменит. Я должен вернуться. Понимаете? Должен.

Несколько секунд Руперт пристально смотрел ему в глаза. Чуть заметно кивнул.

— Ждите.

И медленно прикрыл за собой дверь.

Ночь он провел почти без сна. Ворочался с боку на бок, курил. Пытался читать. С недоумением обнаружил загнутые страницы: такой привычки за ним не водилось. Пробежал глазами отчеркнутые карандашом строчки: «Бык на лугу — это здоровый парень. Бык на арене — неврастеник».

«Не иначе как Руперт постарался,— решил Иван.— Больше некому. Любопытно». Открыл следующую загнутую страницу.

Здесь был отчеркнут целый абзац. «Мир ломает каждого, и многие потом только крепче на изломе». Иван задумался, глядя поверх книги, потом хмыкнул и стал читать дальше. «Но тех, кто не хочет сломиться, он убивает. Он убивает самых добрых и самых нежных, и самых храбрых без разбора. А если ты ни то, ни другое, ни третье, можешь быть уверен, что и тебя убьют, только без особой спешки».

— Та-ак...— Иван опустил книгу.— Уж не запугать ли ты меня хочешь, дорогой Руперт? Зря стараешься. Я знаю, на что иду. Меня дома никто не ждет. А у Мадьяра жена.

Он усмехнулся, выключил свет и, протнз ожидания, мгновенно уснул.

Вскочил по привычке в семь. Сделал зарядку. До краев наполнил бассейн ледяной водой и добрых полчаса плескался, вскрикивая и постанывая от пронизывающего холода. Потом докрасна растерся махровым полотенцем и, одевшись, Отправился завтракать, каждой клеточкой ощущая прилив ликующей бодрости.

— Доброе утро, Иштван! — Это было неожиданностью. Обычно Миклош появлялся к завтраку не раньше десяти.— Как спалось?

В зале, кроме них, не было ни души. Даже люстры не горели, только бра вдоль стен. В золотистом полусумраке тонкое лицо венгра казалось

отлитым из меди.

— Сегодня мы с вами ранние пташки.

Улыбка у Радноти была замечательная — ласковая и грустная, а сегодня еще и с оттенком тревоги. Или так казалось из-за освещения?

— Рад видеть вас, Миклош! — Пожимая руку, Иван встретился с Радноти взглядом и понял, что освещение тут ни при чем: тревожные были у венгра глаза. Спросил, опускаясь в кресло: — Что-то случилось?

— С'чего вы взяли? —

— Вид у вас...— Иван замялся.— Непokoйный какой-то.

— Пустяки. Где вы вчера были после ужина?

— У себя.— И мысленно: «Начинается». Что начинается, он еще не знал и сам.

— Весь вечер?

— Весь. А что?

— Так, ничего.— Радноти без всякой надобности взял салфетку, повертел, положил на скатерть.— Я приходил к вам вчера, Иштван.

«Вот оно что... Чего это вдруг его ко мне понесло? Просто так? Не может быть. Ну-ну...»

— Вы слишком деликатны, Миклош. Наверное, не достучались.

— В этот раз я изменил своему правилу, Иштван. Решил, что между друзьями можно обойтись без условностей.

— Правильно решили.— Иван ' продолжал смотреть ему в глаза и это стоило немалых усилий.

— Я просидел у вас почти три часа.

— И от нечего делать листали Хемингуэя,— осенило Зарудного. У венгра удивленно округлились глаза.

— Вы меня видели?

— Не вас, Миклош. Книгу. То, что вы в ней подчеркнули.

— Я?!

— Ну да. О быке на лугу. О мире, который ломает человека.

— Не надо меня разыгрывать, Иштван. Тут и без этого хватает загадок.

«Значит, все-таки Руперт,— подумал Иван.— Все-таки Руперт...»

— Я плохо читаю по-русски, Иштван. Но подчеркнутые вами абзацы я осилил. И, честно говоря, это меня обеспокоило.

— Что именно, Миклош?

— Образ мыслей.

— Хемингуэя? — Иван попытался увести разговор в сторону.

— Ваш,— вздохнул Радноти.— Нельзя падать духом, Иштван.

«Дорогой ты мой человек!» — с жалостью подумал Иван и мысленно затянул «Катюшу».

— Абзацы в книге подчеркнул не я, Миклош. Если по-честному, то меня вчера вообще весь вечер не было дома. Смотрел кинофильмы.

К столу одновременно подошли официант и Джордано.

Бруно поздоровался по-немецки кратко: «Гутен таг».

— Доброе утро, синьор Ноланец! — Иван как утопающий за соломинку ухватился за возможность переменить тему и повернулся к официанту.— Мне овсяную кашу. А вам, Миклош?

— Тоже,— буркнул венгр.

— И мне, пожалуйста.— Итальянец сел за стол и вопрошающе уставился на Зарудного.— Откуда вам известно, что я родом из Нолы?

— Из школьной программы,— не моргнув глазом соврал Иван. В учебнике, он это прекрасно помнил, город Нола не упоминался. Но сейчас главным было направить разговор по другому, безопасному руслу.— Ваши мысли о строении Вселенной...

— Вы не находите, что наш друг разительно изменился?— прервал его Радноти.— Этот внезапный интерес к мирозданию...

«Продолжай, Миклош,— подбодрил его Иван.— Смейся надо мной, шути, измышайся. Я пе обижусь».

Выразительные глаза Джордано переместились с Зарудного на Радноти. Итальянец понимающе улыбнулся.

— Все мы непрерывно меняемся, синьор Радноти. Из нас истекают одни атомы, притекают новые.

— Хотите сказать, человеку присуще непостоянство? — усмехнулся венгр.

— Нет вещества, которому по природе подобает быть вечным"— Выражение лица Джордано оставалось невозмутимым. Смеялись только глаза.— Исключение составляет субстанция, именуемая материей. Но и ей подобает быть в вечном изменении.

«Ну вот и славно,— облегченно вздохнул Иван.— Вот и прекрасно». Он уже не вникал в то, о чем они говорят. Он слышал их голоса, видел оживленные лица: то серьезные, то смеющиеся, и уже одно это успокаивало его и радовало.

— Коперник ставит Солнце в центр мироздания,— продолжал Миклош. Иван для него перестал существовать.— Вы это отрицаете. Но тогда где, по-вашему, центр Вселенной?

— Нигде.— Ноланец достал четки, положил на стол рядом со своим прибором.— У Вселенной нет и не может быть центра. Она едина и бесконечна. И наше Солнце всего лишь одна из необозримого множества звезд.

Официант принес завтрак, но спорщики этого даже не заметили. Иван ковырялся ложкой в каше, беззвучно мурлыча «Катюшу».

— ...Смерть? — Бруно прикусил нижнюю губу, упрямо качнул головой.— Ее нет. Никакая вещь не уничтожается и не теряет бытия, но лишь случайную, внешнюю, материальную форму. Человек, увлеченный величиим своего дела, не чувствует ужаса смерти. Он способен все обращать в благо. Даже плен использовать как плод большой свободы. Даже поражение превращать в победу.

«Ай да Ноланец! — восхитился Иван.— Такого ничем не согнешь».

В зале стало многолюднее. Зажглись люстры. Негромко заструилась скрипичная мелодия. Гурман-ассириец сосредоточенно обгладывал бараний бок. Ивану вдруг вспомнились стихи, которые читал Курбатов. Как давно это было! Тысячу лет назад. Стихи о Ноланце. Иван отодвинул в сторону тарелку с овсянкой. Зажмурился, вспоминая.

«И маленький тревожный человек...»

— Ослы от схоластики и теологии утверждают, будто моя философия унижает человека,— чуть хрипловатый голос Ноланца дрожал от негодования.— Жалкие глупцы! Я раскрыл людям величие Вселенной, безбрежные миры космоса! Возвысил человека.

«...С блестящим взглядом, ярким и холодным...»

— Освободил его дух и разум из темниц богословских догм!

«...Идет в огонь...»

— Уже ради одного этого стоило жить и бороться!

— Вы правы, синьор Джордано,— мягко произнес Миклош.

— Мне твердят: «Смирись, жалкий раб! Отрекись, раскайся, моли о помиловании!» Отречься от истины? Никогда! Этого они от меня не дождутся!

На некоторое время за столом воцарилось молчание. Иван открыл глаза и удивленно заморгал: Миклош улыбался! Улыбка, даже такая, как у Миклоша,— болезненно-грустная и робкая — все равно воспринималась как кощунство после всего, что только что говорил Джордано.

— Чему вы улыбаетесь? — по-русски, чтобы не понял итальянец, негромко спросил Иван.

— Разве? — Радноти низко опустил голову и зябко передернул плечами.

— Что с вами? — всполошился Джордано.— Сердце?

— Так, пустяки.— Миклош выпрямился.— Мы тут не очень-то откровенничаем между собой, синьор Джордано. И вы, конечно, обратили внимание. По-моему, пора внести ясность. Как вы считаете, Иштван?

— To know who is who,— кивнул Иван,— just time¹⁷.

— Мы с Иштваном попали сюда из двадцатого века.

Итальянец сложил губы трубочкой, чуть слышно присвистнул.

— Впрочем, я примерно так и предполагал.

— Но дело даже не в этом. Дело в том... Ну, вы уже поняли, при каких обстоятельствах попадают на экспресс «Надежда»?

— С порога вечности,— улыбнулся Джордано.

— Вот именно.—Трудно было сказать, чего больше в ответной улыбке Миклоша — юмора или тоски.— Я поэт, синьор Джордано. И, наверное, лучше скажу стихами:

...И подозренья осторожный взор
меня казнит; он правильно заметил:
поэт, я годен только на костер
за то, что правды я свидетель,
за то, что знаю, зелен стебелек,
бел снег и красен мак,
и кровь красна струится,
и буду я убит за то, что не жесток,
и потому, что сам я не убийца.

Радноти вздохнул и, протянув руку через стол, опустил ладонь на запястье Джордано.

— Вы философ и лучше разбираетесь в этих делах. Но факт остается фактом: через триста с лишним лет после вас ситуация повторилась — костры, виселицы, пытки... Разве что палачи одеты в мундиры да инквизиция называется по-другому.

— Как? — хрипло спросил Джордано.

— Фашизм.

¹⁷ Узнать, кто есть кто. Самое время (англ.).

— Фашизм...— повторил итальянец.— Какое мерзкое слово. Есть в нем что-то змеиное.

«Знал бы ты, где родилась эта змеиная мерзость!» — подумал Иван и вдруг ощутил, как из темных глубин подсознания вздымается неукротимая волна ненависти. «Остановись,— приказал он себе.— При чем тут Джордано? Итальянец? Ну и что из того? В шестнадцатом веке его сожгли инквизиторы. Сегодня — сгноили бы чернорубашечники».

— Райшом хорш!¹⁸ — прозвучало над самым ухом. Иван вздрогнул и оглянулся: меднолице улыбаясь, возле соседнего кресла стоял Казбек.— Опоздал, да?

— Испугал,— поправил Иван.

— Такого испугаешь! — Казбек с уважением оглядел Зарудного.

— Садись,— пускаться в объяснения не было ни малейшего желания.— Сейчас официант подойдет.

Казбек поздоровался со всеми за руку и только потом занял место рядом с итальянцем. Тот рассеянно подвинул к себе тарелку с кашей, думая о чем-то своем, и выражение лица у него было странное: сосредоточенное и растерянное одновременно.

— Синьор Джордано! — решил Иван. Итальянец медленно поднял глаза.— Можно, я вам тоже стихи прочту?

— Стихи? — удивился Миклош.— Неужели свои?

— Бунинские. Про вас, синьор Джордано. А вы переведите, Миклош, ладно?

— Постараюсь,— кивнул венгр.

Память не подвела. И Миклош постарался на славу. Итальянец долго молчал, глядя в одну точку. Потом все так же молча и крепко пожал руки Ивану и Миклошу. По впалой щеке медленно скатилась слеза.

«Ну вот,— огорченно упрекнул себя Иван.— Хотел человеку приятное сделать, а получилось...»

— Grazie!¹⁹...— Джордано переборол волнение и улыбнулся.— Вы оба не представляете себе, как много для меня сделали. Теперь...

— Синьор Джордано,— Иван инстинктивно почувствовал опасность и ринулся наперерез.— Давно хотел вас спросить...

— Да, Джованни? — Ноланец был явно удивлен, но недовольства не

¹⁸ Доброе утро! (осет.)

¹⁹ Спасибо (итал.)

высказывал.— Спрашивайте.

— Почему на вас эта одежда? — брякнул Иван первое, что пришло в голову.

— Одежда? — Джордано недоуменно оглядел себя и понимающе усмехнулся.— Видите ли, Джованни, я довольно долго гостил у синьоров церковников. Мой туалет порядком истрепался. А взамен святая инквизиция смогла предложить только рясу, да и то с чужого плеча. Знали бы вы, как долго пришлось ее отстирывать. Впрочем, ничего удивительного тут нет: ослы никогда не отличались чистоплотностью.

— А меня обокрали! — вдруг сообщил Казбек.

Обокрали? — переспросил Миклош.— Что вы имеете в виду?

— Патрон детонита умыкнули. Кусок бикфордова шнура. Коробок с запалами.

— Как умыкнули? — Иван не верил своим ушам. Чего-чего, а краж в экспрессе не наблюдалось.— Когда? Где?

— Шут его знает! Вечером куртку в шкаф повесил, утром беру — легкая. В карманы сунулся — пусто. Спички и те увели.

«В чахлой чаще чапарраля
Два ковбоя загорали»,—

тревожно заколотилось в сознании.

— Да чего тут удивляться,— продолжал Казбек.—

Двери без запоров: входи, кому не лень.

«...И судачили о том,
Как состряпать суп с котом...»

— И кому здесь детонит нужен? — в голосе осетина звучали тревога и недоумение.— Не дай бог, еще запалит сдуру.

— Тебе-то какая печаль? — Иван отправил ковбоев ка все четыре стороны.

— Мне? — Казбек обвел ресторан взглядом.— Жалко, такая красота пропадет.

— Тебе что — нравится тут?

— Конечно, нравится. Кормят, ухаживают. Пахать не надо. Хочешь — в ресторан иди, хочешь — в кино, хочешь — на пляж... Девчонки

классные.— Он вдруг игриво подмигнул. «Кому это он?» — Зарудный недоуменно оглянулся. Блондинка за соседним столом отчаянно строила глазки.

Им вдруг овладело странное чувство отчужденности. Миклош говорил о чем-то с Джордано. Казбек со вкусом и знанием дела заказывал официанту завтрак. Минуту назад все трое были близки ему, понятны и дороги и вдруг отодвинулись куда-то, и он уже не участник разворачивающегося на сцене спектакля, а всего лишь нейтральный зритель.

«Чепуха какая-то!» — Иван отодвинул тарелку и встал. Медленно, как бы преодолевая непомерную тяжесть, Радноти поднял на него глаза.

— Уходишь?

Ни вопрос, ни тол, которым он был задан, ни даже непривычное обращение на «ты», а выражение глаз Миклоша заставило Ивана зажмуриться и изо всех сил стиснуть зубы. Какой там к дьяволу нейтральный зритель, если сердце захлебывается болью и нет сил открыть глаза!

— Да, Миклош.

— Ну, что ж,— буднично, как ни в чем не бывало, произнес венгр.— Всего хорошего, Иштван.

Надо было что-то ответить, внести ясность или, наоборот— напустить тумана; надо было наконец просто попрощаться, но Иван только молча кивнул и, не оглядываясь, зашагал к выходу.

Оркестр заиграл вслед что-то печальное, кажется, «Прощание на берегу» Хольстрема, но Зарудный уже ничего не видел и не слышал.

У себя в каюте он долго стоял перед иллюминатором, машинально глядя на проплывающий мимо пейзаж. Теперь, когда побег с «Надежды» становился наконец реальностью, он неожиданно для самого себя вдруг ощутил тоскливую боль от предстоящей разлуки с людьми, которых еще недавно не знал и которые, оказывается, были ему теперь близки и дороги. Сознывая, что и они рано или поздно покинут экспресс, не могут не покинуть хотя бы потому, что стремление вернуться в свою эпоху составляло главную цель и смысл их теперешней жизни, он все равно чувствовал себя виноватым перед ними за то, что уходит первым.

Перед глазами возникали то гигантский костер на запруженной людьми площади Цветов в Риме, то яма, в которой стоит Миклош

Радноти, снизу вверх глядя на целящихся в него эсэсовцев. Странно, о себе он в эти минуты не думал. С ним все ясно: протаранить «мессер» до того, как тот успеет сбить курбатовский «ил», а там будь что будет.

За иллюминатором тянулся знакомый с детства пейзаж: барханы, солончаки, такыры... Потом из-за горизонта взошла огромная кроваво-красная луна, и он вдруг успокоился. Тщательно побрился перед зеркалом. Принял душ. Оделся. Сел в кресло, положил на колени планшет. И стал ждать.

— Товарищ!

Зарудный с трудом разлепил веки и тотчас снова зажмурился: ослепительно ярко светило солнце. Кто-то осторожно тряс его за плечо. Руперт? Но почему «товарищ»? Иван рывком вскочил на ноги и открыл глаза.

Человеку было за тридцать. Он был курнос. Из-под капюшона брезентового плаща выбивался чуб цвета спелой пшеницы. Поодаль стоял выдавший виды мотоцикл с коляской. А дальше, насколько хватало глаз, простиралась выжженная солнцем равнина. На горизонте, величественно изгибаясь, брели пыльные смерчи.

Иван оглянулся. Позади был вагончик на обтянутых литой резиной колесах. К двери вела сварная металлическая лесенка и, судя по следу на пыльной ступеньке, с нее-то он только что и поднялся. Зарудный встряхнул головой, прогоняя остатки сна.

— С праздником! — Голос незнакомца был чуть хрипловатый. Доброжелательный голос. И взгляд тоже.

— С праздником? — переспросил Иван.

— Ну да. Девятое мая сегодня, День Победы. Забыл?

— К-какой п-победы? — запинаясь, спросил Иван, покачнулся, чувствуя, как земля стремительно уходит из под ног, опустил руку на поручень лесенки.

— Ну ты даешь! — добродушно восхитился незнакомец.— Крепко, видать, вчера хватанули. Ладно, давай знакомиться. Игорь,— ладонь у парня была мозолистая, твердая. Мужская ладонь.

— Иван.— Зарудный достал платок, вытер вспотевший лоб.

— Бывает,— сочувственно кивнул Игорь.— Сейчас я тебе аспиричика дам. Глядишь, и легче станет.

Он снял плащ, аккуратно сложил, сунул в багажник коляски. Отпер висячий замок на двери вагончика, достал веник, смахнул пыль с кирзачей.

— Тут одни мужики, так что не обессудь: за чистотой сами смотрим.

В вагончике царил прохладный полусумрак. За обтянутыми противомоскитной сеткой окошками виднелась все та же плоская — ни дерева, ни кустика — равнина. Иван повесил на крючок возле двери планшет и куртку. Огляделся.

— Вот так и живем,— Игорь задернул занавеску на окне.— Да ты садись. Я утром ребят в Тулей отвез, к поезду. На праздник в Ургенч укатили. Завтра к вечеру вернутся.

«В Тулей,— мысленно отметил Иван,— к поезду. Завтра вернутся». До войны, он это знал точно, ближайшей железнодорожной станцией был Чарджоу и до нею от Ургенча надо было добираться либо пароходом, либо попутной машиной.

— Умоешься с дороги? — предложил Игорь.— Идем на кухню.

Кухонька была с гулькин нос, но опрятная и комфортабельная: газовая плита на две конфорки, кран, раковина. Над ней аптечка с зеркальной дверцей. На аптечке стакан с зубными щетками, мыльница. На стене возле плиты — шкафчик с посудой. Под окном навесной столик и три табуретки.

— Умывайся,— Игорь кивком указал на раковину.— Сейчас полотенце чистое принесу.

И как только Иван сполоснул лицо и руки, вручил ему полотенце и решительно выставил из кухни.

— Ступай в гостиную, а я тут завтрак соображу.

«Гостиная» тоже была невелика: стол, три откидных койки, платяной шкаф. На антресолях виднелись два скатанных матраца. Третий лежал на откинутой койке, застланный байковым одеялом.

— Отдыхай,— указал Игорь на койку и включил стоявший на столе радиоприемник.— Музыку послушай. Сегодня весь день концерты будут гонять.

«Spidola»,— прочитал Иван поблескивающее никелем название радиоприемника. Города на шкале настройки тоже были обозначены латинскими буквами. «Трофейный»,— решил Иван, садясь на койку и вдрызг весь напрягся:

Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой! —

загремел в вагончике хор суровых мужских голосов.—

С фашистской силой темною,
С проклятою ордон!

Игорь убавил громкость, подмигнул и отправился го-, товить завтрак.

Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна,
Идет война народная,
Священная война!

Песня брала за душу, будила воспоминания, сближала дальние дали. Теперь он уже не чувствовал себя посторонним в этом поначалу чужом для него мире, нащупал связующее звено. И звеном этим была песня.

Иван шагнул к окну и сдвинул противомоскитную сетку. В лицо дохнуло прохладой. У самого горизонта группами и поодиночке шли пыльные смерчи, и было в их движении что-то пугающе нереальное, неподвластное привычным земным категориям и закономерностям.

Сквозь заключительные аккорды песни прорезался голос диктора:

— Тридцать лет назад, 9 мая 1945 года залпы салюта над поверженным в прах рейхстагом возвестили миру о победе советского народа над гитлеровской Германией!

— Т-та-ак-к...— Иван почувствовал, что вот-вот упадет, и медленно опустился на койку. Лоб опять покрылся холодным потом. Он достал платок, расправил и уткнулся в него лицом. Победа. Он так ждал этого дня... На фронте, в госпитале... Каждым вылетом, каждым сбитым фашистским самолетом старался приблизить победу... Тысячу раз представлял себе этот день, огни салюта, сияющие лица однополчан, ощущение безграничной радости... И вот — победа. А он узнает о ней тридцать лет спустя!.. И нет вокруг никого из друзей. И ощущения радости нет, а только горькое чувство вины... Вины? А в чем его вина?!

— Аспирин-то я забыл дать. Э, братишка, да тебе, я смотрю, совсем худо.— Игорь выключил приемник, протянул Ивану таблетку и стакан с водой.— Держи-ка...

Зарудный машинально взял аспирин.

— Глотай,— скомандовал Игорь,—И па боковую. Сосни чуток. Проснешься, позавтракаем.

Иван проглотил таблетку, отдал стакан, лег, закинув руки за голову. Закрыв глаза.

Что теперь? Вопрос родился в сознании сам собой. И, как ни странно, вдруг само собой пришло спокойствие. Схлынуло нервное напряжение, стало легко и покойно, как бывает, когда возвращаешься домой после утомительно долгой поездки.

Домой... Иван обвел взглядом немудрящее убранство вагончика и усмехнулся. В экспрессе все было в тысячу раз комфортабельнее: живи йе хочу! Но там он чувствовал себя чужим, а здесь... Здесь он д о м а.

И дело даже не в том, что, судя по всему, отсюда рукой подать до Турткуля: тридцать лет срок не малый, все там наверняка изменилось.

Он поднялся и включил радио. Передавали старинный марш «Прощание славянки». Из кухни потянуло горячими шкварками.

— Вань! — позвал Игорь,—Ты яичницу как любишь— глазунью или взболтать?

— Все равно.— Он похлопал по карманам комбинезона. Папирос не было.

— Как? — не расслышал Игорь.

Иван вышел в тамбур, полез в карман куртки.

— Все равно, говорю.

Дверь в кухню была открыта. Игорь всюю колдовал над сковородкой. Увидел Ивана, кивнул.

— Кури здесь. Тут, кроме меня, все смолят... А куртка у тебя — блеск. Кожаная, на меху. Летаешь или технарь?

— Летаю.

— Понятно.— Он выключил конфорку под сковородкой. На второй конфорке поблескивал металлический чайник.— А, ч-черт! Забыл совсем. Будь другом, слетай к мотоциклу, сумку принеси.

Стол удался на славу. Салат из свежих помидоров и огурцов. Редиска. Гора зелени. Яичница-глазунья и нарезанный тонкими ломтиками копченый окорок.

— Собственного копчения,— похвастал Игорь. Достал из сумки четвертинку с изумрудно-зеленой этикеткой. Жидкость в бутылке была под стать этикетке— светло-зеленая.

— «Шайкурай»,— прочел Иван.— Это что?

— А шут ее знает,— признался Игорь,— Настойка какая-то. Я в этих

делах не мастак. За День Победы.

Он налил по полрюмки и поставил бутылку на стол. Осторожно, двумя пальцами взялся за рюмку.

— Батя у меня с войны не вернулся.— Помолчал, глядя куда-то в окно внезапно посерьезневшими глазами. Вздыхнул.— Давай за него.

Наливка горчила. Наливка пахла дикой полынью, бескрайним степным привольем.

— Ешь, Ваня. Закусывай. Ветчину бери.

Смутное воспоминание шевельнулось в душе. На мгновение стало тревожно и неудобно. И тут же прошло.

— Сам-то из каких краев будешь? — спросил Игорь.

— Из Турткуля.

— Надо же! Земляки.

Иван стиснул зубы и пристально взгляделся в лицо собеседника. Тот продолжал, ничего не замечая:

— И батя мой в Турткуле родился. Не в нынешнем, конечно. В том, который Дарья смыла.

Вопрос рвался с губ, но Иван пересилил себя.

— Отец еще до войны из Турткуля уехал. В летное училище. Там и женился. А как война началась, жену сюда отправил.

«Молчи,— приказал себе Иван.— Молчи и не строй догадок. Мало ли похожих судеб...»

— А в сорок четвертом похоронка пришла. Осенью. Это было как удар в солнечное сплетение: режущая боль, удушье и почти полная неспособность сделать вдох.

Игорь по-прежнему, не отрываясь, смотрел в окно.

— Мать после его смерти всего год протянула. А меня в детдом определили. Вот такие дела...

Игорь снова налил в рюмки.

— Выпьем, Ваня. За Победу выпьем.

«Не смотри! — то ли молил, то ли тщетно заклинал Иван.— Не поднимай глаз!».

— Да что с тобой? — всполошился Игорь.— Лица на тебе нет! Сердце, да?

— Н-ничего,— хрипло прошептал Зарудный, поднес рюмку к губам и запрокинул голову. Спирт обжег нёбо, глотку, гортань. Иван выдохнул остатки воздуха, мед-ленно-медленно потянул в грудь свежий.

— Потерпи, браток. Сейчас валидол дам.— Игорь торопливо вышел из комнаты.

«День Победы порохом пропах»,— услышал Иван чей-то мужественный баритон, протянул руку и прибавил громкость.

Это праздник с сединою на висках,
Это радость со слезами на глазах.
День Победы, День Победы, День Победы!..

Вернулся Игорь с пузырьком валидола.

— Не надо,— остановил его Иван.— Прошло. Давай лучше песню послушаем.

Ему и в самом деле полегчало. Молча дослушали песню. Иван — сосредоточенно, глядя прямо перед собой. Игорь — то и дело бросая на него тревожные взгляды.

— Легче? — спросил он, когда Иван выключил приемник.

— Не то слово,— криво усмехнулся Зарудный.— По последней, что ли?

— Может, не надо?

— Надо,— кивнул Иван.— Бог троицу любит.

— Так то бог,— улыбнулся Игорь,—А мы простые смертные.— И вдруг предложил: — Слушай, а может, на рыбалку махнем? Арал рядом.

— Можно и на рыбалку,— согласился Иван и разлил по рюмкам остаток «Шайкурая».

— Скажи, Игорь, ты помнишь своего отца?

— Откуда? — собеседник удивленно вскинул на него глаза.— Только по фотографиям. Когда я родился, он уже на фронте был. А что?

— Да так,— Иван поднял рюмку.— Давай молчком. Каждый за свое.

Только глаза у Игоря были Катины — карие с поволокой...

Мотоцикл, такой неказистый с виду, тянул на удивление здорово. На холостых двигатель работал почти беззвучно, а когда Игорь прибавлял газ — гудел басовито и мощно, стремительно набирая обороты.

— Хороша машина! — прокричал Иван сквозь упруго хлещущий в лицо ветер. Игорь кивнул, не отрывая глаз от дороги.

— По винтикам собрал. Своими руками.

Мотоцикл накатом пошел под уклон. Игорь сбросил

газ до предела. Стало тихо, лишь негромко шуршали протекторы по

пыльному склону.

— Такие моторы я только у «Цундапов» встречал, да у «Харлей-Додсонов».

Игорь недоверчиво покосился на пассажира, но промолчал. Спуск кончился. Мотоцикл свернул влево и по инерции покатил вдоль обрыва. Внизу бирюзово синело море. Начинаясь у широкой песчаной отмели, оно уходило к самому горизонту и там сливалось с небом.

— Приехали.

Игорь помог отстегнуть клеенчатую полость, шагнул с мотоцикла, разминая ноги. Вниз, к отмели, приноравливаясь к узким ступенчатым уступам обрыва, вела зигзагообразная тропинка. Море было пустынно — ни дымка, ни паруса — бирюзовая ширь, насколько хватало глаз, и от этой величественной шири захватывало дух и на сердце становилось светло и празднично.

На отмели, ближе к обрыву, стояли деревянные щитовые домики. Иван насчитал их целую дюжину и удивился, кому и зачем понадобилось ставить их здесь, вдали от человеческого жилья.

— Удивляешься? — Игорь достал из багажника сумку и складные бамбуковые удилища. — Это сейчас тут ни души. А начнется жара — яблоку негде упасть будет. Со всю Устюрта хлынут: газовики, геологи, шофера.

Не поверишь, с Каспия на вертолетах прилетают купаться.

Он посмотрел вдаль, прикрывая глаза ладонью.

— Жаль. Хорошее море было.

— Почему «было»? — удивился Иван.

— Мелеет. — Игорь перекинул сумку через плечо, протянул удилища. — Держи. Вниз пойдём.

Обрыв был высокий, не меньше ста метров. Снизу он смотрелся куда эффектнее: угрюмый срез разноцветных пластов. Сэндвич высотой с небоскреб. Слоеный пирог матушки Земли.

— Уступы видишь? — указал рукой Игорь.

— Ну, вижу.

Уступы шли в несколько ярусов от подножия до самого верха обрыва.

— Что это, по-твоему?

— Ступеньки для великанов.

— Почти угадал, — усмехнулся Игорь. — Линия прибоя.

— Что-о? — опешил Иван.

— Вот тебе и «что»! Мелеет Арал. А в последние годы особенно.— Игорь повесил сумку на гвоздь у двери ближайшего домика. Полез в карман за ключом.— Когда мы сюда первый раз приехали, вода вот здесь была. Закидушки прямо с веранды забрасывали. А теперь до воды километр топать, не меньше. Это за какие-то два года.

— И что же дальше?

— Дальше? — Игорь щелкнул замком и открыл дверь.— Если все останется как есть, высохнет море.

Иван представил себе бесконечную солончаковую степь на месте бирюзового приволья и зябко передернул плечами.

— Климат?

— Если бы только климат! — вздохнул Игорь.— Климат—это цикличность. Спады, подъемы. Арал никогда не стоял на одном уровне. Но тогда амплитуда была: вверх — вниз. А теперь четко: спад и никаких подъемов.

— Почему?

— Почему? — Игорь вошёл в дом, споткнулся обо что-то, вполголоса помянул черта.— Потому что Аралу каждый год 62 кубических километра пресной воды подавай. А где ее взять? Сырдарья уже давно в море не впадает. Амударья — лет пять. Выпили голубушку. Всю досуха. Аралу ни капли не оставили.

Он вышел на веранду в одних плавках, стройный, мускулистый, загорелый, до боли похожий на Мишку Курбатова.

— Скидывай одежду, чего стоишь? Искупаемся, позагорает. До вечера все равно клева не будет.

— И что — ничего нельзя сделать? — спросил Иван, расстегивая пуговицы комбинезона.

— С Аралом-то? Отчего же — можно. Дать ему эти самые шестьдесят два кубика в год — и дело с концом. Только где их взять — вопрос! — Он спустился по ступенькам, прошелся, с удовольствием ступая по песку босыми ногами.— Знаешь, чем я в школе увлекался? Ни за что не угадаешь. Экологией. Мечтал ученым-экологом стать. Может, и стал бы, вернись батя с войны. А так в техникум пошел. Политехнический заочно окончил. А от мечты только и осталось, что книги, да еще вырезки из газет и журналов. До сих пор собираю.

Песок и в самом деле был хорош: в меру горячий, он приятно согревал ступни, и лучи солнца ласково касались кожи, бодрящий ветерок с моря освежал лицо и грудь, рождая воспоминания о далеком

беззаботном детстве.

— А зачем, и сам не пойму,— усмехнулся Игорь.— По привычке, наверное. Перелистываю иногда от нечего делать. Любопытные мысли в голову приходят.

— Какие, например?

— Да все с Аралом связанные. Знаешь, когда Амударья впервые до моря не дошла? Когда Каракумский канал запустили... Тогда мне казалось, все правильно. А что вышло? Читаешь газеты и диву даешься. Без всякой пользы, в песок вода уходит. В оазисах заболачивание началось, поля гибнут. Возле Ашхабада подпочвенные воды поднялись, того и гляди, город поплывет. Что же получается? Без головы проектировали? На авось? С кондачка?

А Приаралье без воды осталось. Дельта Амударьи высохла. Ондатроводческие хозяйства прахом пошли. Рыбоконсервный комбинат на ладан дышит.

Тебе-то, наверное, невдомек, сколько раньше в Амударье да в Арале рыбы водилось. Лещ, усач, сазан, лопатонос, сомы двухсоткилограммовые. Где это все? Осетровые, да и не только они, на икромет вверх по Амударье поднимались. До самого Памира. А теперь как им быть? По суше добираться? — Игорь усмехнулся и сел, подставив спину лучам солнца.— Это ведь только в сказках сом себя за хвост зубами хватает и колесом посуху катится. А лопатоносу и того не дано: у него хвост, как у мыши, тонкий, длинный. Смешно, правда? А мне плакать хочется.,

Несколько минут он молча пересыпал с ладони на ладонь золотистый песок, еще недавно устилавший дно Аральского моря.

- Водохранилище на Туямуюнском створе затеяли строить. На пять миллиардов кубов. Опять же все вроде бы правильно, оскудела река, а поля поливать надо. Ну, а если в корень взглянуть? Ту я му юн — высшая точка оазиса! Построят водохранилище. Наполнят пятью миллиардами кубов воды. Фильтрация будет? Будет. И еще какая! А значит, по всему оазису грунтовые воды вверх попрут. Ты представляешь, Ваня, что такое грунтовка? Железо разъедает, бетон, гранит. А уж об органике и говорить нечего.

Он опять замолчал, глядя, как льются сквозь пальцы тонкие золотистые струйки.

Дьявольски странно было сознавать, что ты чуть не вдвое старше этого мужчины, который убежден, что имеет дело с двадцатилетним

юнцом. Мужчины, который лишь понаслышке знает о Турткуле его детства, Турткуле, которого, если верить Игорю, давно не существует, который смыла Амударья, тогда, в конце тридцатых, только-только подбиравшаяся к западной окраине города. Он вспомнил преисполненную неукротимой мощи необозримую гладь реки, kloкочущие водовороты, не стихающий ни днем, ни ночью гул стремительного течения, отчаянно дымящие буксиры с караванами барж, трехметровых сомов, которых всей артелью вытаскивали бреднями из затонов заросшие косматыми бородами уральцы. Ощутил во рту неповторимый, не сравнимый ни с чем аромат и сладость хорезмских дынь, после которых, сколько ни положи, долго слипались пальцы...

Неужели это все ушло безвозвратно, кануло в небытие?

— Игорь,— негромко начал он и кашлянул.— Ну вот ты знаешь все это, видишь, как вырождается на глазах целый регион... Неужели ты можешь так спокойно наблюдать это все?.. Почему не вмешаться, не крикнешь: остановитесь! Что вы делаете, люди?!

— Пробовал,— угрюмо кивнул Игорь.— Написал все, что думаю. Отпечатал в нескольких экземплярах. В обком отправил, в Министерство водного хозяйства, в Академию наук.

— И что? Неужели не ответили?

— Ответили,— Игорь покачал головой.— Деликатно ответили, вежливо. А смысл такой: занимайтесь, дескать, дорогой товарищ, своим делом и не суйтесь в чужие.

— И ты успокоился?

— Успокоился? — Игорь повернулся лицом к солнцу, запрокинул голову и закрыл глаза.— Нет, Ванечка. Я не успокоился. Я размышлял, Ванечка. Долго-долго. Приблизительно так: а вдруг они правы? Ведь не может же быть, что все вокруг сплошь слепцы, а я — зрячий? Я иду в ногу, а целый полк — нет? Люди, которым эти проблемы поручены,— не лыком шиты. Профессора, академики. Заслуженные, народные, признанные. А я кто? Инженер-механик. И в экологии, извините,— пшик, дилетант-любитель. Так что пусть все своим чередом идет. А зремя покажет, кто из нас прав.

Вот ты — летчик. Как бы ты отреагировал, приди к тебе ка аэродром ну, скажем, конюх или свинопас и начни тебя поучать: не так к самолету подходишь, неправильно садишься, не туда летишь? Что бы ты ему ответил?

— Не знаю, что бы я ему ответил,— медленно, изо всех сил сдерживая гнев, произнес Иван.— А тебе скажу: демагогия это все и софистика. Побоялся лезть в драку, вот и успокаиваешь себя побасенками. И уж если тебя на аллегии потянуло, я тебе другую ситуацию предложу. Выходит в круиз теплоход. Всеобщее ликование, ажиотаж, восторги. А ты вдруг обнаруживаешь пробоину ниже ватерлинии. Бежишь к капитану, а он тебе: занимайтесь свои делом, пассажир. Ликуйте, восторгайтесь. А в наши дела не лезьте. Ты что — тоже рукой махнешь? Дескать, время покажет, кто прав, а кто нет? Или вот еще: воздушный бой, «мессер» заходит в хвост нашему штурмовику. Ты это видишь и орешь: «Мишка, «мессер» сзади! «Мессер»! А он по-запарке: «Отстань. Не мешай!» И ты отстанешь? Успокоишься? Я, дескать, предупредил, а дальше меня не касается? Время рассудит?!

Иван вдруг обнаружил, что кричит, срывая голосовые связки, ощутил режущую боль в горле. Бледное расплывчатое лицо Игоря проступало сквозь красноватый туман.

— Не пойму, что на меня нашло...— Иван хрипло прокашлялся.— Прости.

Смятение и тревога на лице Игоря уступили место безмерному удивлению.

— Вон ты какой... Тихий, тихий, а...

— Сказал же — прости.— Иван все никак не мог совладать с голосом. И вдруг отчетливо представил себе Мишку в полосатых матерчатых плавках, просто Мишку — не капитана ВВС, не командира эскадрильи,— сидящего на песке там, где сидел сейчас его сын.

«Как бы он поступил на месте Игоря? — спросил себя Иван.— Неужели так же? Нет. Магьяр не из таких».

«С ними на равных биться надо,— мысленно повторил он слова Игоря.— Мечтал ученым-экологом стать. Может, и стал бы, вернись батя с войны...»

Решение пришло мгновенно, как озарение. Твердое, бесповоротно окончательное.

— Игорь,— голос был какой-то чужой, скрипучий, каркающий,— дай-ка ключ от мотоцикла.

— Ключ? — недоуменно переспросил Игорь.— Что это ты надумал?

— За папиросами съезжу.

— Так есть же у тебя!

— Мало.— Иван с трудом глотнул.— Не хватит до вечера.

— Там ключ.— Игорь пожал плечами.— В мотоцикле.

— Я быстро.— Иван уже шагал к обрыву, на ходу застегивая комбинезон.

— Водить-то умеешь? — крикнул вдогонку Игорь.

— Умею, не беспокойся,— заверил Иван.

Мотор завелся с первой попытки. Иван поудобнее устроился на седле и медленно выжал сцепление. Сделал круг по пыльному плато, принаравливаясь к незнакомой машине, подкатил к краю обрыва и сбросил газ. Мотор почти неслышно заурчал на холостых оборотах.

Море, было великолепно. Море сверкало тысячами солнечных блисток, ласково набегало на золотистую песчаную отмель, и небо над ним было потрясающей голубизны, и весь этот залитый солнцем волнуяще незнакомый мир был прекрасен, таил в себе радость бесконечных открытий, и страшно не хотелось уходить из него в неизвестность. Но уходить надо было, потому что это единственная, пусть призрачная надежда спасти

Мишку Курбатова и помочь его сыну обрести уверенность в собственных силах.

Он приложил к губам сложенные рупором ладони и крикнул:

— И-кго-орь!

Игорь оглянулся и помахал рукой.

— Жди вестей от отца-а-а! — донеслось с обрыва.

— Что-о?

— Жив твой отец! Вернется!

«Рехнулся он, что ли?»

— О ком ты?

— О Мадьяре Курбатове! — Человек над обрывом взмахнул рукой, словно прощаясь.— Жди со дня на день! Прощай!

Взревел мотор и, подняв белесое облачко пыли, мотоцикл пропал из виду.

— Ничего не пойму,— пробормотал Игорь, прислушиваясь к затихающему гулу мотора.— Странный парнишка. Знает откуда-то, как звали отца...

Он вдруг насторожился. Мотоцикл явно возвращался обратно. Мотор ревел на полную мощь.

«Что он задумал? — холодея от недоброго предчувствия, подумал Игорь,— Что он делает?» То была уже не мысль — безмолвный, душераздирающий крик. Мотоцикл кометой взметнулся над обрывом

и, описав плавную дугу, с грохотом ударился о песок.

Несколько часов спустя, усталый и вконец растерянный, Игорь вернулся к домику, достал из сумки флягу, напился и вылил остатки воды на потное, в грязных потеках лицо. Не вытираясь, долго смотрел туда, где темнели на песке останки разбитого мотоцикла,

Клонилось к закату солнце. С моря дул прохладный, ласковый ветер. Ворковали, набегая на песок, волны. И все, что произошло на этом берегу, никак не вписывалось в мирный, голубоватый покой рождающегося вечера.

— Кто это был? — вслух подумал Игорь. — Куда исчез? Я весь берег обшарил, вагончик, обрыв... Ни живого, ни мертвого. Одни следы... А может, и в самом деле не было никого?..

Он повернулся и вздрогнул: на перилах веранды лежала початая пачка папирос «Пушки», которые вот уже лет двадцать как перестали выпускать табачные фабрики. На этот раз Руперт не подвел. Все было, как тогда: солнечное осеннее утро, луг с пожухлой от ночного морозца травой, домик у самой кромки багряного леса, «додж-34», нетерпеливо пофыркивающий мотором, и трое попутчиков — молоденькие лейтенанты-пехотинцы.

— Спасибо, ребята! — Иван пожал руку всем троим и шоферу. — Дальше я сам сориентируюсь. Счастливо!

Помахал рукой вслед «доджу», повернулся и зашагал через луг к домику, мысленно представляя себе встречу с Мишкой Курбатовым. Как тот, узнав его, выдохнет шепотом: «Ванька?! Жив, бродяга! Вернулся!!» И он расскажет Мишке то, чего не мог рассказать в прошлый раз: что родился у него сын, и что глаза у Игорька точь-в-точь как у Кати.

А дальше все пойдет, как уже было однажды — до того самого дня, когда они встретятся с реактивными «мессерами»...

Шагал, вдыхая всей грудью тонкий аромат прихваченной морозцем листвы, и на душе было легко и радостно. Шел, зная, чем грозит ему тот, пока еще далекий бой, и твердо веря, что теперь уже никакие силы не помешают ему сбить этот проклятый «мессер».

Послы Млечного пути / Сост.: В. Новопрудский/ — Т.: Ёш гвардия, 1990.— (Фантастика Узбекистана).